

Д. ШИМОХИН

В. КОЛЛИНГВУД

ТАЙ-ПЕН

Подкидыш

Дмитрий ШИМОХИН

Тай-Пен

«автор»

«Автор»

2026

Шимохин Д.

Тай-Пен / Д. Шимохин — «автор», «Автор»,
2026 — (Подкидыш)

Тяжелая, но такая необходимая и для меня, и для всей России операция завершилась блестящим успехом. Железные дороги вырваны из рук иностранцев, заявка на золотопромышленную компанию одобрена. И личная жизнь вроде налаживается. Ура, победа? Да не совсем...

© Шимохин Д., 2026

© автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Шимохин, Виктор Коллингвуд Тай-Пен

Глава 1

Через полчаса я уже был в ателье на Кузнецком мосту. Лева, бледный и взволнованный, встретил меня у входа.

– Что случилось? – коротко спросил я.

– Его забрали, Владислав Антонович, – зашептал портной, оглядываясь по сторонам. – Вчера вечером. Какие-то люди. Сказали, из-за старого дела.

Я завел его в мастерскую и запер дверь.

– Какого дела? Говори толком.

И Лева рассказал мне историю, от которой у меня похолодело внутри. Эту историю как-то рассказывал Изя, но я забыл. Несколько лет назад Изя был замешан в одной из самых громких и дерзких афер в Москве. Вместе с подельниками, оборудовав фальшивую нотариальную контору, он умудрился «продать» дом московского генерал-губернатора Закревского какому-то богатому англичанину. Когда обман вскрылся, разразился чудовищный скандал. Чтобы замаять дело и не позорить Москву перед всей Европой, Закревский приказал гильдии московского купечества компенсировать англичанину все убытки. Купцы заплатили, но затаили злобу.

– И вот теперь, – закончил Лева, – сынки тех самых купцов, что тогда платили, нашли его. Мне передали, чтобы я сообщил вам: если вы не вернете им деньги, которые их отцы заплатили англичанину, они сдадут Шнеерсона в полицию, и он отправится на каторгу. Настоящую.

Я вернулся в гостиницу. Ситуация была патовой. Я сел в кресло и начал лихорадочно думать.

Привлечь Кокорева? Невозможно. Он только-только начал объединять вокруг себя московское купечество для битвы за ГОРЖД. Если выяснится, что его ближайший партнер – подельник известного мошенника, укравшего деньги, репутации Кокорева придет конец.

Обратиться в полицию? Еще хуже. Изя – беглый каторжник с поддельными документами. Любое официальное расследование немедленно вскроет его прошлое. Даже если не обвинят в старой афере, его все равно упекут в Сибирь, и на этот раз навсегда. Не говоря уже о том, какие еще тайны из его бурной одесской жизни могут всплыть.

Нет. Ни Кокорев, ни полиция мне не помогут. Эти купчишки-отморозки все рассчитали верно. Я должен действовать сам. И решать проблему тем единственным способом, который у меня остался. Силой.

Я подозвал к себе Рекунова.

– Степан Митрофанович, – начал я. – Нужны вы и все ваши люди, причем вооруженные до зубов. Изя попал в переплет, и мы едем его спасать.

Он не задал ни одного вопроса, лишь молча кивнул.

Через час мы стояли перед богатым купеческим особняком в Замоскворечье, куда, по сведениям Левы, и увезли Изю. Я, Рекунов и четверо бойцов.

– Дверь вышибаем, – тихо скомандовал я. – Действуем быстро и жестко. Мне нужны все, кто там есть, живыми, но очень напуганными.

Двое людей Рекунова с разбегу ударили плечами в массивную дубовую дверь. Замок вылетел с треском. Мы ворвались внутрь.

В большой зале за накрытым столом сидели пятеро молодых купчиков. Увидев нас, они вскочили, хватаясь за ножи и револьверы. Но они были просто избалованными отморозками, играющими в бандитов. А против них стояли люди, прошедшие таежные войны.

Все закончилось за минуту. Рекунов и его парни действовали без единого выстрела – слаженно, быстро и жестоко. Удар в челюсть, выбитый из рук револьвер. Через мгновение все пятеро похитителей лежали на полу, стена и корчась от боли, а над ними стояли мои люди с наведенными на них стволами.

– Где он? – спросил я у того, кто, видимо, был главным.

– Да пошел ты! Ты знаешь, кто мой отец? – огрызнулся наглец.

– А мальчик что, папу ищет? – оскалился я и тут же зарядил ему между ног: и больно, и обидно. – А мальчику объяснили, что не надо трогать чужое? – вновь прорычал я. – Если нет, то я сейчас объясню!

Купчик тут же завыл и начал костерить меня, я же нагнулся, приставив дуло револьвера к его колену.

– Считаю до трех, а потом ты станешь калекой, – предупредил я таким голосом, что самому стало немного страшно.

Вот тут наглеца пробрало, он весь задрожал и кивнул на дверь в соседнюю комнату. Я распахнул ее. В маленькой каморке, привязанный к стулу и избитый, сидел Изя. Увидев меня, он издал какой-то нечленораздельный звук, в котором смешались облегчение, радость и ужас.

Я разрезал веревки.

– Ты в порядке?

– Таки почти, – прохрипел он, растирая затекшие руки. – Курила, я знал, что ты придешь!

Я повернулся к похитителям, все еще лежавшим на полу.

– Еще раз, – сказал я им ледяным голосом, – вы или ваши друзья тронете хоть волос на его голове, я не буду вышибать двери. Просто сожгу этот дом вместе с вами. Вы меня поняли?

Они испуганно закивали.

– Пошли отсюда, – бросил я своим.

Мы вышли из особняка, оставив за спиной униженных и перепуганных купчиков. Проблема была решена. По-нашему.

Интерлюдия. Приамурье, прииск Амбани-Бира.

На прииске «Амбани-Бира» наступила осень. Зарядили промозглые дожди.

Владимир Левицкий стоял на крыльце своей избы и с тревогой смотрел на раскисшую, чавкающую под ногами землю. Тайпины с азартом ворочали камни и промывали песок, золота в хранилище прибывало с каждым днем. Но это богатство не радовало, а пугало. В бочках из-под муки уже виднелось дно, запасы пороха и свинца подходили к концу, а Тит с утра до ночи чинил изношенные кайла и лопаты, ругаясь на чем свет стоит.

Левицкий тяжело вздохнул. Он исправно вел учет, следил за порядком. И чувствовал себя сторожем.

«Он бы что-нибудь придумал, – с тоской подумал Левицкий о Тарановском. – Он бы снарядил караван. Нашел бы выход. А я... я просто жду, когда придет зима».

В этот момент, прервав его мрачные мысли, с тропы, ведущей к стойбищу, показался запыхавшийся Орокан.

– Господин Левицкий! – крикнул он, подбегая. – В стойбище гости! С той стороны пришли!

– Гости? – нахмурился Левицкий. – Кто?

– Маньчжуры! Торговцы! На большой джонке пришли. У них зерно, порох, железо! Все есть! Золото берут!

Через десять минут в избе Левицкого сидел «военный совет»: молчаливый и опасный Сафар, кряжистый, похожий на медведя кузнец Тит и рассудительный Захар.

– Мы не знаем этих людей, – начал Левицкий, излагая свои сомнения. – Обычно мелкие торговцы на лодках ходили по Амуру. Разведчики маньчжурского даотая? Если они узнают о нашем прииске, нам конец.

– Порох кончается. Зерно тоже, – ровным голосом ответил Сафар.

– Кайла сточены, заступы ломаются, – прогудел Тит. – Скоро работать будет нечем. Надо идти.

Левицкий обвел взглядом их решительные лица. Он был здесь главным, и ему предстояло принять решение. Преодолевая свою природную осторожность, он кивнул.

– Хорошо. Мы пойдем. Но с максимальной осторожностью. Сафар, Тит, возьмите каторжан. Тайпинов не брать. Возьмем с собой лишь немного золота, для пробы.

Через час небольшой, хорошо вооруженный отряд двигался по раскисшей таежной тропе. Они шли налегке, но тяжело увязая в грязи и переходя вброд ручьи.

Не пройдя и половины пути до стойбища Амги, Сафар, двигавшийся впереди, резко поднял руку, останавливая отряд. Левицкий замер, прислушиваясь.

Сначала он ничего не различил, кроме шума ветра и крика птиц. А затем до его слуха донесся далекий, едва различимый звук. Хлопок. Потом еще один, и еще. Это была не редкая перестрелка охотников. Это была частая, беспорядочная пальба. В стойбище шел бой.

Левицкий и Сафар переглянулись. В их глазах не было страха – только холодная решимость. Левицкий выхватил из кобуры тяжелый револьвер, Сафар проверил затвор ружья. Знаком Левицкий приказал носильщикам залечь в кустах, а сам, вместе с Сафаром и остальными бойцами, начал осторожно, от дерева к дереву, продвигаться вперед, к источнику звука.

Глава 2

Мы вышли из особняка, оставив за спиной униженных и перепуганных купчиков, лежавших среди опрокинутой мебели и разлитого шампанского. Проблема была решена. По-нашему.

В гостиничный номер «Лоскутной» Рекунов и его люди почти внесли на руках обмякшего Изю. Мой одесский компаньон был в плачевном состоянии: сюртук порван, на скуле наливался багровый синяк, а из разбитой губы сочилась кровь. Он не стонал и не жаловался. Молчал, и это было хуже всего. Его просто опустили в кресло, и он так и остался сидеть – маленький, побитый, с отрешенным взглядом, устремленным в никуда.

Убедившись, что он жив и, кажется, цел, я отвел Рекунова в сторону. Посмотрел ему прямо в глаза.

– Степан Митрофанович, благодарю. Вы и ваши люди действовали безупречно. Быстро и без лишнего шума. Я ваш должник.

Он был удивлен. Я видел это по едва заметному движению бровей, по тому, как на мгновение смягчился тяжелый, немигающий взгляд. Он, возможно, впервые увидел во мне не свое-нравного барина, за которым ему приказано присматривать, а командира, который ценит своих людей. Он молча кивнул, и мне показалось, что толстый слой льда между нами наконец-то дал первую трещину.

Когда Рекунов и его люди ушли, я остался с Изей наедине. Налил в стакан коньяку из дорожной фляги и протянул его своему компаньону. Он взял дрожащей рукой и сделал большой, судорожный глоток.

– Ну, рассказывай, Изя, – спокойно сказал я. – Как тебя угораздило?

Услышав в моем голосе не гнев, а усталое сочувствие, Изя мгновенно преобразился. Молчаливая маска мученика треснула, и из-под нее выглянул знакомый мне одесский артист. Он картинно застонал, схватился за ушибленный бок, а его лицо приняло выражение вселенской скорби.

– Ой-вэй, Курила, это было ужасно! – начал он, строя из себя умирающего лебедя. – Я попался на глаза своим старым... знакомым. Они узнали, что я теперь при делах, что я теперь солидный человек, и предложили снова «чего-то намулеть». Какую-то грязную аферу с векселями. А я им – нет! Я теперь честный коммерсант, у меня партнеры, у меня репутация! Я отказался! Так они, эти поцы, видимо, из мести и заложили меня этим купчиком! А те уже меня подкараулили, прямо у мастерской Левы, он все видел! Схватили, в мешок – и туда...

Он мастерски выстроил историю так, чтобы выглядеть невинной жертвой, пострадавшей за свою добродетель. Я слушал, терпеливо качая головой, мысленно отделяя зерна от плевел. То, что его узнали старые подельники, было правдой. То, что он благородно отказался от аферы... здесь, я думаю, Изя слегка приукрасил действительность.

– Изя, Изя... – сказал я, когда он закончил свою трагическую повесть. Мой тон был не гневным, а скорее отеческим, как у командира, отчитывающего нерадивого, но ценного солдата. – О таких вещах нужно предупреждать немедленно. Я не могу защитить тебя от твоего прошлого, если не знаю о нем. Твои «старые дружки» – это не твоя личная проблема. С той минуты, как мы стали партнерами, это наша общая проблема.

Я посмотрел очень серьезно, так что он перестал стонать и выпрямился.

– Поэтому слушай меня внимательно. Если эти твои... знакомые... появятся на горизонте снова, хотя бы тенью мелькнут, ты немедленно сообщишь мне. Ты не будешь играть в героя. Не будешь пытаться решить все сам. Ты придешь ко мне. Это понятно?

Изя, видя, что его не ругают, а о нем заботятся, искренне и уже без всякой игры кивнул. Маска «умирающего лебедя» исчезла, и на его избитом лице появилось выражение детской, беззащитной благодарности.

– Понял, Курила. Понял. Спасибо.

Я решил не тратить время даром и закрыть самое первое дело, с которого и началась вся эта петербургская эпопея. Велел подать экипаж и отправился в особняк сенатора Глебова.

Встреча наша носила теплый, почти дружеский характер. Мы сидели в его уютном, отделанном дубом кабинете, и он с искренней радостью поздравил меня.

– Это лучшая новость за последнее время, Владислав Антонович, – проговорил он с улыбкой. – Вы не только спасли состояние этих несчастных сирот, но и подарили Ольге Владимировне надежду на личное счастье. Я безмерно рад за вас обоих.

– Благодарю, ваше сиятельство, – ответил я. – И как раз по этому поводу у меня есть еще одна добрая весть.

Я перешел на деловой, но уважительный тон.

– Новое правление ГОРЖД, как только будет официально утверждено, готово выкупить у наследников Левицких необходимый для дороги участок земли. Причем за полную сумму, которая изначально фигурировала в фальшивых документах, двести сорок тысяч рублей.

– Вот как! – Глаза Глебова блеснули. – Справедливость восторжествовала!

– Именно. Но для окончательного оформления сделки, – пояснил я, – требуется одобрение. Ваше, как официального опекуна. А еще согласие Дворянской Опеки.

– Можете на меня положиться, – с удовлетворением кивнул сенатор. – Я немедленно займусь этим вопросом и придам делу самый быстрый ход. Вы провернули невероятное дело, Владислав Антонович.

– Я лишь вернул то, что было украдено, – скромно ответил я. – И в этом мне очень помог один юноша.

– Ах, Плевак! – Лицо Глебова просветлело. – Гений! Невероятный, острый ум. Я поручил ему еще несколько дел, и он справился с ними блестяще. Этот юноша далеко пойдет!

– Я того же мнения, – согласился я. – И хотел бы лично отблагодарить его. Не подскажете ли его нынешний адрес, ваше сиятельство?

Еще немного посидев у Глебова, я отправился к будущему гению российской адвокатуры.

Карета остановилась у скромного доходного дома в одном из переулков близ университета. Контраст с роскошными особняками, в которых я провел последние недели, был разительным. Здесь пахло сыростью, кислыми щами и бедностью.

Федор Плевак жил на последнем этаже, в небольшой каморке, заваленной книгами. Когда он открыл мне дверь, на его худом, интеллигентном лице отразилось целая гамма чувств: сначала недоумение, затем узнавание и, наконец, крайнее смущение. Он был в простом, заношенном студенческом мундире и, очевидно, польщен и обескуражен моим визитом.

– Господин Тарановский! Какими судьбами? Прошу, входите, только у меня... не прибрано.

– Не беспокойтесь, Федор Никифорович, – улыбнулся я, входя в его скромное жилище. – Я приехал ненадолго. Прежде всего, чтобы еще раз искренне поблагодарить за вашу неоценимую помощь и блестящую работу в деле Левицких.

– Полноте, сударь, я лишь выполнял свой долг, – пробормотал он, краснея.

– Вы выполняли его гениально, – твердо сказал я. – И любой труд должен быть оплачен. Я достал из кармана заранее отсчитанную пачку ассигнаций и протянул ему.

– Здесь триста рублей. Ваш гонорар.

При виде такой огромной суммы Плевако отшатнулся, словно от огня.

– Что вы! Я не могу! Это... это слишком много, да и вы уже оплатили! – залепетал он.

– Берите, – настойчиво сказал я. – Вы их заслужили. И это лишь малая часть того, что вы сэкономили для казны и наследников.

Он все еще колебался, и тогда я положил деньги на стол, заваленный книгами.

– Это плата за ваш труд, Федор Никифорович. Но я приехал не только за этим. Я хочу сказать, – я посмотрел ему прямо в глаза, – что, если в будущем у вас возникнут какие-либо трудности, знайте, что в моем лице вы всегда найдете друга и поддержку.

Он был глубоко тронут – не столько деньгами, сколько моим предложением.

– Благодарю вас, Владислав Антонович, – тихо сказал он. – Я... я этого не забуду.

Покинул его скромное жилище я с чувством глубокого удовлетворения, не просто заплатив талантливому юристу, а заручившись дружбой человека, которому суждено стать величайшим адвокатом России.

Я ехал в карете обратно в «Лоскутную», мои мысли, освободившись от груза сиюминутных интриг, устремились на восток, в Сибирь. Откинувшись на мягкую спинку сиденья и глядя на проплывающие мимо московские особняки, начал мысленно перебирать задачи, которые нужно было завершить перед отъездом.

Первое. «Сибирское Золото». Дождаться, пока поверенный завершит официальную регистрацию акционерного общества. С этим, благодаря покровительству великого князя, проблем быть не должно.

Второе. Земля. Завершить оформление покупки огромного участка на Амуре на мое новое, русское имя. Это фундамент всей будущей империи.

Третье. Специалисты. Нужно связаться с профессором Лавровым и нанять нескольких его лучших, самых толковых и отчаянных выпускников из Горного института. Без грамотных инженеров и геологов делать на приисках нечего.

Четвертое. Оборудование. Договориться о сложнейшей логистике: доставке готовых паровых машин, драг и бурильных установок по готовности в Благовещенск, а оттуда уже я легко перевезу их на прииск.

Я мысленно поставил галочки напротив каждого пункта. Все это было сложно, но решемо. Но тут я перешел к пятому, самому прозаическому, но и самому важному пункту: припасы. Порох, оружие, свинец и, главное, провиант – тысячи пудов муки, крупы, солонины.

Оружие и порох придется возить по мере надобности из ближайших городов, так как выбора иного нет. А вот с едой дело обстоит по-другому, это зависимость.

Моя первая мысль была очевидной: закупать все у китайцев. Маньчжурия рядом, через реку. Это казалось самым простым решением. Но чем больше я об этом думал, тем яснее видел фундаментальные изъяны этого плана.

Полагаться на маньчжурских торговцев – значит, добровольно надеть на себя ошейник. Сегодня они приплыли – завтра нет. Сегодня у них одна цена, а завтра, прознав о масштабах нашей добычи и о нашей зависимости, они взвинтят ее в десять раз, и мы окажемся в ловушке. Постоянные крупные сделки с золотом неизбежно привлекут излишнее внимание маньчжурских властей. Рано или поздно на прииск придут не купцы с рисом, а чиновники с солдатами или бандиты. Да и сама по себе логистика, даже на коротком плече, была ненадежной. Ледостав, ледоход, поломка джонки – и весь наш огромный прииск в разгар сезона может остаться без еды.

«Нет, – с холодной ясностью понял я. – Зависимость от соседа, чьи намерения неизвестны, – это стратегический проигрыш. Нам нужно что-то свое. Своя продовольственная база. Свои мастерские. Максимальная автономия. Только так мы будем в безопасности и сможем развиваться».

И тут из осознания этой проблемы родилась новая, еще более масштабная идея.

«Стоп. Земля... У меня ведь будет земля! Огромный, плодородный участок. Зачем зависеть от китайцев, если можно выращивать свой хлеб на своей земле? Если на этой земле поселить людей, русских людей, крестьян... Они будут выращивать хлеб, картошку, держать скот. Они решат проблему с провиантом хотя бы частично на первое время.

И это будут русские люди! Свои! Не наемные китайцы, не бывшие мятежники-тайпинцы, а наши, православные мужики с семьями. Они станут опорой, костяком нового поселения. И они же помогут с доставкой оборудования от Благовещенска до прииска!»

План начал стремительно обрастать деталями. Людей нужно набирать сейчас, в центральных губерниях. Потом своим ходом в Сибирь, а там им придется зимовать в Благовещенске или Сретенске, а по весне, с первой навигацией, отправляться на мои земли. Там они начнут строить дома и распахивать первые поля. Это была уже не просто золотодобыча. Это была колонизация.

Я понял, что самостоятельно буду долго искать таких людей, и мне нужна помощь.

Имя пришло само собой. Кокорев.

Кто, как не он, бывший откупщик, чья сеть покрывала пол-России, сможет организовать вербовку переселенцев?

Я велел извозчику гнать к московской конторе Кокорева на Ильинке, не заезжая в гостиницу. Идея о создании собственного поселения на Амуре захватила меня целиком. Она была дерзкой, масштабной и абсолютно правильной со стратегической точки зрения.

Кокорев был на месте. Я застал его в огромном, заваленном бумагами кабинете. Он сидел за столом, и перед ним были разложены карты железнодорожных путей России. Очевидно, всеми мыслями он находился уже там – в будущем, где он, Василий Кокорев, двигает по этим стальным артериям грузы и капиталы.

– Василий Александрович, нужно поговорить, – начал я без предисловий.

Он оторвался от карт, и я увидел в его глазах усталый, но довольный блеск победителя.

– А, Антоныч, проходи! Что-то срочное? Дел – непочатый край!

– Дел станет еще больше, – усмехнулся я. – У меня родилась новая идея. Касательно нашего сибирского предприятия.

Я вкратце изложил ему свой план. Рассказал о продовольственной зависимости от китайцев, о рисках и, главное, о решении перевезти на наши амурские земли русских крестьян, которые будут кормить прииск.

Кокорев слушал меня, кивая, но я видел, что мыслями он все еще в своем Обществе, среди рельсов и паровозов. Для него мой план по переселению десятка семей казался хоть и дельным, но мелким, локальным предприятием.

– Мысль верная, Антоныч, – наконец произнес он, когда я закончил. – Свое хозяйство под боком – всегда надежнее, чем на соседа уповать. Только мне сейчас, сам видишь, не до того. Пока этих французов из правления вычистишь, пока со Штиглицем все доли утрясешь... Голова кругом идет.

Он нажал кнопку звонка на столе. Через минуту в кабинет вошел приземистый, кряжистый мужик лет пятидесяти, с умным, цепким взглядом и окладистой бородой.

– Вот, познакомься. Ефим Кузьмич, мой главный управляющий по всем хозяйственным делам. Человек – кремень. Что ему ни поручи – все сделает в лучшем виде.

Он повернулся к управляющему.

– Слышал, Кузьмич? Нашему компаньону, Владиславу Антоновичу, люди нужны. Крестьяне. Для заселения новых земель в Сибири. Нужно подобрать десяток семей – толковых, работающих, непьющих. И организовать их отправку. Займешься.

– Будет сделано, Василий Александрович, – ровным голосом ответил управляющий, смеяв меня быстрым, оценивающим взглядом.

Кокорев снова уткнулся в свои карты, давая понять, что для него вопрос решен. Я же отозвал Ефима Кузьмича в сторону, чтобы обговорить детали.

– Нам для начала много не надо, – сказал я ему. – Семей семь, от силы десять. Нужно, чтобы они понимали: едут не на пустое место. Я обеспечу их всем необходимым на первый год: инструментом, скотом, семенным зерном, деньгами на обустройство.

– Понятно, – кивнул Кузьмич. – Условия какие для них будут?

– Располагаться они будут на моей земле, которую я сейчас оформляю. Налоги платить не будут ни в казну, ни мне. Первые пять лет – точно. Но есть одно условие: десятую часть урожая должны будут отдавать на нужды прииска.

– Десятина – дело божеское, – согласился управляющий. – А остальное?

– А остальное я буду у них же и выкупать. По твердой, хорошей цене. Им не нужно будет думать, куда девать излишки. Их задача – растить хлеб и кормить нас. А наша задача – дать им за это достойную жизнь.

Управляющий выслушал, и в его цепких глазах появилось уважение. Он увидел не барскую прихоть, а трезвый, хозяйский расчет.

– Условия хорошие, – заключил он. – На такие люди пойдут. Я подберу вам лучших. Из наших, из староверов. Народ надежный.

– Вот и славно, – кивнул я. – Начинайте поиск. Как только я решу все дела, мы обсудим отправку.

Я покинул контору Кокорева с чувством глубокого удовлетворения. Еще один механизм был запущен. Моя сибирская империя начинала обрастать не только шахтами и заводами, но и пашнями. И людьми. Своими людьми.

Наследующее утро мне прямо в номер принесли телеграмму из Петербурга.

«МОСКВА ГОСТИНИЦА ЛОСКУТНАЯ ГОСПОДИНУ
ТАРАНОВСКОМУ ТЧК ВОПРОС ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕСТВА
СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО ВНЕСЕН НА ЗАСЕДАНИЕ СИБИРСКОГО
КОМИТЕТА ТЧК СЛУШАНИЯ НАЗНАЧЕНЫ ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ ТЧК ВАШЕ
ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ КРАЙНЕ ЖЕЛАТЕЛЬНО ТЧК ПОВЕРЕННЫЙ
АЙЗЕНПЛЯТТ»

Два дня. У меня было всего два дня.

В Петербург я прибыл на следующий день, усталый, но полный холодной решимости. Изя, которого я решил больше не отпускать далеко, был со мной, как и охрана. Они направились в гостиницу, а я прямо в особняк графа Неклюдова.

Граф принял меня немедленно, и по его серьезному лицу я понял, что он уже в курсе событий.

– Это будет непросто, мой друг, – сказал он без предисловий, наливая мне бокал вина. – Заседание – лишь формальность. Все решается заранее в кулуарах. И вам будут противостоять очень могущественные силы.

Он уселся в кресло напротив и начал обрисовывать мне политический ландшафт предстоящей битвы. Это был не просто совет. Это был брифинг разведчика перед высадкой во вражеский тыл.

– Во-первых, – начал Неклюдов, – у Комитета сейчас нет официального председателя. Это создает пустоту и усиливает роль «серого кардинала» – управляющего делами Владимира Петровича Буткова. Это старый лис, опытнейший бюрократ, которого не убедить эмоциями. Он будет смотреть только на бумаги, на выгоду для казны и на то, с какой стороны дует ветер.

– Понимаю, – кивнул я. – Кто еще будет решать?

– Ваш главный козырь, – продолжил граф, – это, конечно, великий князь Константин Николаевич. Его слово и поддержка могут перевесить все остальное. Он лидер партии реформ, жаждет развивать страну. Но и он не всемогущ. Против него будет играть консервативное крыло.

Неклюдов загнул палец.

– Петр Александрович Валуйев, министр внутренних дел. Умный, осторожный, прагматичный. Его главный страх – потеря контроля. Он будет видеть в вашем проекте угрозу на

диких окраинах, рассадник бандитизма и крестьянских волнений. Он будет вашим главным оппонентом.

Он загнул второй палец.

– Михаил Христофорович Рейтерн, министр финансов. Ключевая фигура. Профессионал, который смотрит на мир через колонки цифр. Его интересует только выгода для казны: налоги, золотой запас, курс рубля. Он может вас поддержать, но только при условии жесточайшего финансового контроля и твердых гарантий. Он будет торговаться за каждый процент.

Граф сделал паузу, отпив вина.

– Далее – формалисты. Дмитрий Николаевич Замятнин, министр юстиции. Его будет волновать только юридическая чистота: устав, законность. И, конечно, представители Горного департамента. Эти будут стоять насмерть. Они увидят в вас опасного конкурента, который разрушит их уютный мир «откупов» и лишит их влияния. Именно от них ждите самых язвительных и каверзных вопросов по технической части.

Он откинулся на спинку кресла, подытоживая:

– Вот и весь расклад. С одной стороны – великий князь и, возможно, Рейтерн, если вы докажете ему выгоду. С другой – Валув и вся старая гвардия из Горного департамента. Ваше дело оказалось в самом центре борьбы между «партией реформ» и «партией консерваторов-прагматиков». Исход этой битвы непредсказуем.

Я вернулся в свой номер в гостинице поздно вечером. До заседания оставалась одна ночь.

При свете одинокой масляной лампы я разложил на столе все свои «орудия». Вот пухлая папка с проектом «Сибирского Золота» с безупречными расчетами Изи.

Всю ночь я сидел над этими бумагами, выстраивая линию аргументации, готовя ответы на каверзные вопросы, которые мне зададут Бутков, Валув и горные чиновники.

Утро застало меня за столом, с красными от бессонницы глазами, но с абсолютно ясной и холодной головой.

Я надел свой лучший сюртук, проверил каждую складку и узел галстука. Когда я спустился вниз, меня уже ждала карета.

Она остановилась перед величественным, строгим зданием, где заседал Сибирский комитет. Я сделал глубокий вдох, ощутив на лице холодный невский ветер, и шагнул навстречу судьбе.

Глава 3

Заседание Сибирского комитета проходило в одном из строгих казенных зданий на Сенатской площади. Здесь не было мраморного великолепия дворцов. Все было подчинено одной цели – демонстрации незыблемой, холодной мощи государственной машины.

Длинный, гулкий коридор привел меня к тяжелым дубовым дверям, которые беззвучно открыл учтивый секретарь.

Зал заседаний был огромен и строг. Стены, затянутые темно-зеленым сукном, высокий потолок с лепниной, длинный стол под таким же зеленым сукном, за которым уже сидели мои «судьи».

Воздух был спертый, пахло сургучом, пыльными бумагами и, едва уловимо, дорогими сигарами. Это был мир, где слова имели вес золота, а неверно сказанная фраза могла стоить карьеры, состояния или даже жизни.

Я вошел и остановился у края стола. Присутствовали все, о ком предупреждал Неклюдов.

Во главе в кресле председателя сидел великий князь Константин Николаевич, его лицо было непроницаемо. Справа от него – министр финансов Рейтерн, похожий на хищную, высохшую птицу. Слева – грузный, с тяжелым взглядом министр внутренних дел Валуев. Чуть поодаль – управляющий делами Бутков, министр юстиции Замятнин и несколько угрюмых генералов из Горного департамента. Я чувствовал на себе их взгляды – изучающие, холодные, полные скепсиса.

После короткого формального открытия заседания управляющий делами Бутков ровным, бесцветным голосом произнес:

– Слово для доклада по вопросу об учреждении акционерного общества «Сибирское Золото» предоставляется господину Тарановскому.

Поднявшись и пройдя вперед, положив на стол свою пухлую папку с документами, я сделал легкий поклон. Затем выпрямился, обвел взглядом всех присутствующих и начал свою речь. Голос мой звучал твердо и уверенно.

– Ваши высокопревосходительства, господа члены Сибирского комитета! Обращаюсь к вам, движимый не корыстью единой, но радением о благе нашего Отечества, коему государь император Александр Николаевич своими великими реформами открыл путь к доселе невиданному процветанию.

Я говорил о Сибири как о нетронутой сокровищнице, о нынешнем хищническом и расточительном промысле, который снимает лишь «сливки», оставляя главные богатства в земле. О том, что время кустарных методов прошло, и что на смену «удали молодецкой» должны прийти «мощь пара, сила воды и холодный научный расчет».

– Посему, заручившись поддержкой, я испрашиваю высочайшего соизволения на учреждение «Общества Сибирское золото» с уставным капиталом в семь миллионов рублей серебром.

Я видел, как при упоминании суммы в семь миллионов министр финансов Рейтерн чуть заметно подался вперед.

– Столь значительный капитал требуется не для роскоши, но для дела, организованного на совершенно новых для России основаниях. Мы намерены отринуть дедовские методы и вооружиться всей мощью современной науки.

И я начал выкладывать свои главные козыри, описывая технологии, которые должны были показаться им фантастикой. Я говорил о паровых драгах американского образца, способных заменить тысячи старателей. О гидравлических установках, смывающих целые склоны сопки. Об усовершенствованной амальгамации для извлечения мельчайшего «лету-

чего» золота. О новейших взрывчатых составах господина Нобеля и о внутрипромысловых конно-рельсовых дорогах.

– Польза для казны и государства от сего предприятия очевидна! – Я повысил голос, переходя к главному. – Резкое увеличение добычи золота, что укрепит финансовую мощь империи. Значительные налоговые поступления в казну. Развитие края: наше товарищество на свои средства построит дороги, пристани, мастерские и поселки для рабочих, привнеся в дикий край порядок и цивилизацию. И, наконец, утверждение русского присутствия на дальних рубежах не только военной силой, но и экономической!

Я сделал паузу, обводя взглядом их непроницаемые лица.

– Для осуществления столь грандиозного и капиталоемкого проекта нам потребны не малые делянки, а обширные территории. Посему осмеливаюсь просить Сибирский комитет ходатайствовать перед государем императором о передаче учреждаемому нами обществу в долгосрочную аренду на пятьдесят лет земель для поиска и разработки золотых россыпей в бассейне реки Бодайбо на площади до ста квадратных верст, с исключительным правом на ведение промысла на данной территории. Лишь при таких условиях наш капитал будет надежно защищен, а предприятие сможет развернуться в полную силу, дабы принести славу и пользу нашему любезному Отечеству!

Закончив и поклонившись, сел на свое место. В зале повисла тишина. Я видел, как министры переглядываются, как Бутков что-то пишет в своих бумагах. Великий князь оставался невозмутим. Сейчас начнется буря.

Тишину в зале прервал скрипучий, полный яда голос.

Слово взял один из генералов Горного департамента, пожилой, высохший чиновник с лицом, похожим на старый пергамент.

– Все это весьма занимательные фантазии, господин Тарановский, – процедил он. – Но позвольте спуститься с небес на нашу грешную землю. Вопрос у меня простой, практический. Доставка. Как вы, позвольте спросить, намерены доставить ваши многопудовые паровые котлы и американские машины на Бодайбо? По Сибирскому тракту? Да они проломают все мосты и увязнут в первой же весенней распутице! Морем до Николаевска, а оттуда вверх по Амуру и Шилке? Да это путешествие займет два года! Ваши машины сгниют в тайге, прежде чем дадут первый золотник золота.

Это был их главный, как им казалось, неоспоримый козырь.

– Ваше превосходительство, я предвидел эти возражения, – ответил я спокойно. – И скажу прямо: если бы я намеревался везти в Сибирь монолитные машины, которые строят ныне в Англии, вы были бы совершенно правы. Мое предприятие закончилось бы на первом же ухабе за Казанью.

Сделав паузу, давая им осмыслить сказанное, я продолжил:

– Но секрет нашего дела, господа, заключается в том, что мы повезем в Сибирь не машины, а, если будет позволено так выразиться, «механический конструктор». Я потратил последний год не на пустые мечтания, а на работу с лучшими инженерными умами России. Паровые котлы по моему специальному заказу разработаны не цельными, а секционными, разборными. Корпуса драг мы построим на месте, на берегу Бодайбо, из лучшей сибирской листовенницы. Трубы для гидромониторов выполнены короткими секциями с фланцевыми соединениями. И даже взрывчатые составы господина Нобеля будут производиться в безопасном виде прямо на месте, в специальной лаборатории. Ни одна деталь нашего оборудования не является неразрешимой задачей для сибирского бездорожья.

Я видел, как лица горных чиновников вытягиваются. Но я еще не закончил.

– А что касается пути, то у нас есть продуманный план из трех этапов. Первый – Великий водный путь до Перми. Второй – Великий сухопутный бросок от Перми до Качуга на Лене. И третий – последний речной этап до Бодайбо. Да, это дорого. Да, займет почти год. Но выпол-

нимо. И главное, господа, вы мыслите летними категориями, категориями грязи и болот. А я смотрю на Сибирь как инженер и вижу в великой русской зиме нашего главного союзника! Зима вымостит нам путь лучше любого строителя. Она превратит топи в твердь, а бурные реки – в гладкие ледяные проспекты. Мы не боремся с природой Сибири, господа, мы используем ее законы в свою пользу!

Я отразил их первую атаку. Слово взял министр внутренних дел Валуев.

– Хорошо, допустим, вы доставите свои машины. – Его голос был тяжелым и властным. – Но я бы хотел затронуть вопрос административный. Вы, господин Тарановский, просите исключительного права на промысел на огромной территории. Вы создаете на казенной земле огромное частное предприятие с тысячами рабочих. Кто будет обеспечивать там порядок? Ваша собственная охрана? Это создание государства в государстве, что совершенно недопустимо. Ваше предприятие может стать не источником богатства, а центром хаоса, с которым придется разбираться правительству за казенный счет.

– Мы прекрасно понимаем озабоченность господина министра, – снова встал я. – И мы готовы принять на себя все расходы по содержанию на территории приисков усиленного отряда урядников и даже казачьего поста, если Комитет сочтет это необходимым. Более того, мы просим, чтобы в правление нашего Товарищества на постоянной основе вошел представитель от Горного департамента для надзора за соблюдением интересов казны. Мы несем в тайгу не хаос, а порядок, господа! Строгий устав, трезвость, собственная больница для рабочих и школа для их детей.

Казалось, мой ответ удовлетворил его. Но тут в разговор вступил министр финансов Рейтерн.

– Все это звучит прекрасно. – Его голос был сухим, как шелест ассигнаций. – Но у меня, простите за прямоту, закрадывается подозрение. Семь миллионов капитала и отвод на сто квадратных верст. Не кажется ли вам, что это слишком много для опыта с негарантированным исходом? А не является ли весь этот прожект с машинами лишь ширмой, чтобы получить в руки огромный, богатейший кусок земли? А получив его, господин Тарановский не станет возиться с оборудованием, а просто-напросто примется сдавать участки тем самым старателям, которых он сегодня порицал. И будет, не ударив палец о палец, получать барыши, обманув и нас, и казну.

Это был самый сильный удар. Обвинение в мошенничестве.

– Господин министр полагает, что мы хотим стать простыми рантье, – ответил я, и в моем голосе прозвучала сталь. – Но, господа, семь миллионов рублей! Мои компаньоны – известные в России купцы. Дом Верещагиных, откупщик Кокорев. Неужели вы думаете, что эти люди, чье слово – кремень, рискнут таким капиталом и своей репутацией ради мелкой спекуляции землей? Сам размер капитала есть лучшее доказательство серьезности наших намерений. Мы идем в Сибирь не за легким рублем, а за миллионными прибылями, которые может дать лишь промышленная, а не хищническая добыча. Ваши превосходительства, Россия стоит на пороге новой эры. Дайте нам шанс доказать, что русский капитал и русская инженерная мысль способны творить чудеса, не уступающие другим. И казна получит от нашего предприятия налогами в десять раз больше, чем от всех нынешних приисков, вместе взятых.

В зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Все аргументы были высказаны, все карты – выложены на стол. Теперь оставалось только ждать вердикта. Я чувствовал, как по спине стекает капля холодного пота, но старался дышать ровно, сохраняя на лице маску невозмутимого спокойствия.

Я видел, как голоса членов комитета разделились.

Министр внутренних дел Валуев сидел с каменным, недовольным лицом, его губы были плотно сжаты. Генералы из Горного департамента обменивались тихими, ядовитыми репликами, их взгляды не сулили мне ничего хорошего. Они были против. Категорически.

Министр финансов Рейтерн, напротив, с живым интересом изучал мои финансовые выкладки. Он был прагматиком, и цифры, обещавшие казне миллионные доходы, убеждали его лучше любых слов. Он был скорее за.

Остальные: Бутков, Замятнин – хранили непроницаемое выражение лиц, ожидая, куда подует ветер.

И тогда все взгляды как по команде устремились в центр стола, на одного человека. На великого князя Константина Николаевича.

Он сидел, откинувшись на спинку высокого кресла, и молчал. Его лицо было усталым и непроницаемым. Он медленно переводил взгляд с моих чертежей на хмурое лицо Валуева, затем на бумаги Рейтерна, затем снова на меня. В его руках была судьба моего проекта. Судьба моей сибирской империи. Его голос был решающим.

Прошла, казалось, целая вечность.

Тиканье массивных бронзовых часов над камином отсчитывало секунды, и каждый их удар отдавался у меня в висках.

Наконец, великий князь медленно поднял голову. Взгляд его голубых, пронзительных глаз встретился с моим.

Глава 4

– Господа, я выслушал все доводы. Проект господина Тарановского дерзок, спору нет. Риски велики. Но и возможности, которые он открывает для России, колоссальны. Сидеть сложа руки и ждать, пока Европа решит за нас наши проблемы, мы более не можем. Я... – Он сделал короткую, весомую паузу, – поддерживаю этот проект.

По залу пронесся едва слышный шелест. Это был коллективный вздох. Я увидел, как министр финансов Рейтерн удовлетворенно кивнул и сделал короткую пометку на листе перед собой – его прагматичный ум уже подсчитывал будущие барыши для казны. Рядом с ним министр внутренних дел Валуев, наоборот, помрачнел еще сильнее, его тяжелое лицо стало похоже на грозовую тучу. Генералы из Горного департамента обменялись гневными, бессильными взглядами.

Я же почувствовал, как колоссальная тяжесть, давившая на меня все эти месяцы, вдруг рухнула с плеч. Внутри, в груди, поднялась волна горячего, пьянящего триумфа, которую я с огромным трудом удержал за маской почтительной невозмутимости.

Но великий князь еще не закончил.

– Однако, господин Тарановский, – его голос стал жестче, в нем зазвучали нотки не реформатора, а правителя, – столь беспрецедентная поддержка и передача в частные руки огромных казенных земель должны сопровождаться встречными обязательствами перед государством. Я поддержу ваш проект при одном условии: ваше Общество обязуется вложить часть своей прибыли в развитие железнодорожной сети империи. Скажем, не менее тридцати копеек с каждого рубля чистой прибыли должно быть направлено на покупку акций или облигаций русских железных дорог, в первую очередь – ГОРЖД, после его оздоровления.

Мой внутренний триумф мгновенно сменился ледяным шоком.

«Черт. Этого в нашем плане не было. Аглая в ярость придет, когда узнает, что почти треть прибыли придется вкладывать в чужое, пусть и государственно важное дело. Это будет трудный разговор...»

Я понял, что у меня нет выбора. Отказаться сейчас – значит, потерять все. Я поднялся и склонил голову.

– Я понимаю и принимаю ваши условия, ваше императорское высочество. Мы готовы служить интересам России не только в Сибири, но и здесь.

Управляющий делами Бутков уже кашлянул, собираясь, очевидно, закрывать заседание. Министры с усталым облегчением начали перебирать бумаги на столе, считая вопрос решенным. Мой дерзкий проект был утвержден, пусть и с обременительным условием. Казалось, все было сказано.

Но я еще не закончил.

– Ваше императорское высочество, господа, – произнес я, снова поднимаясь.

По залу пронесся недоуменный шепот. Валуев бросил на меня раздраженный взгляд, мол, чего еще этому прожектеру надо? Великий князь удивленно поднял бровь.

– Я хотел бы поднять еще один связанный с этим вопрос, – продолжил я, чувствуя на себе их тяжелые, выжидающие взгляды. – Речь идет о землях на Амуре. Дело в том, что, ожидая решения по моему главному проекту, я на свой страх и риск уже начал разведочные работы на одном из притоков Амура, на ручье, именуемом местными Амбани-Бира. И результаты превзошли все ожидания.

Я сделал паузу.

– Я пришел сюда не только с проектом будущего, но и с уже действующим предприятием, которое хотел бы вывести из тени и узаконить. Но прошу не только за себя.

Я обвел взглядом их удивленные лица.

– Я предлагаю Комитету пойти на смелый, но, уверен, единственно верный шаг для скорейшего развития всего Амурского края. Я предлагаю временно, на несколько лет, разрешить там свободную добычу золота для всех подданных империи. Ввести так называемую «горную свободу».

Если моя первая речь вызвала у них скепсис, то эта – откровенное изумление. Отдать золото, достояние казны, в руки первому встречному? Это казалось им ересью.

– Позвольте объяснить, – заговорил я быстрее, не давая им опомниться и разразиться возражениями. – Что такое сегодня наш Амур? Дикий, почти безлюдный край. Чтобы его освоить, нужны люди. Тысячи, десятки тысяч переселенцев. Где их взять? Как заманить их туда? Ответ один, господа: золото. Слух о том, что на Амуре можно свободно мыть золото, разлетится по всей России быстрее любого правительственного указа. Туда хлынут тысячи самых отчаянных, самых предприимчивых и сильных людей.

Я смотрел на Валуева, зная его главный страх.

– Да, поначалу это будет хаос. Но очень скоро он сменится порядком. Люди начнут строить дома, распахивать землю, создавать поселения. А казна, не потратив ни копейки на переселение, будет лишь собирать урожай в виде пошлины с каждого добытого золотника. Мы укрепим наше присутствие на границе с Китаем не полками солдат, а тысячами русских семей! Это самый дешевый и самый эффективный способ начала развития тех земель!

Мои слова о «горной свободе» упали в мертвую тишину зала. На лицах большинства присутствующих отразилось откровенное изумление, смешанное с ужасом. Я видел, как министр внутренних дел Валуев побагровел, а генералы из Горного департамента смотрели на меня так, словно я предложил раздать содержимое казны первым встречным.

Казалось, сейчас они обрушатся на меня со всей мощью имперской машины. Но, прежде чем они успели сформулировать свой гнев, произошло неожиданное.

– Позвольте, господа!

Голос великого князя прозвучал громко и на удивление энергично. Вся его апатия и усталость исчезли. Он подался вперед, и его глаза, до этого тусклые, горели огнем, как у реформатора, услышавшего давно забытую, но любимую мелодию.

– Идея господина Тарановского кажется вам радикальной? – Он обвел сановников тяжелым взглядом. – А я скажу вам, что она не нова! Ровно то же самое, господа, предлагал великий человек, граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский! Он, как никто другой, понимал, что для освоения дикого края нужны не указы, а живая человеческая сила! Но тогда его не услышали. Сочли его идею преждевременной.

Он снова посмотрел на меня, и в его взгляде было уже не просто одобрение, а настоящее, живое участие.

– А сегодня она уже не преждевременна! Сегодня, на фоне масштабного частного проекта, который мы только что утвердили, она становится его логичным и гениальным дополнением! «Сибирское Золото» господина Тарановского станет тем самым ядром, а «горная свобода» даст этому краю людей!

Произнеся речь, он повернулся ко мне, и в его голосе появились строгие, но отеческие нотки.

– Однако, господин Тарановский, – произнес он, слегка пожурив меня, – меня удивляет, что о вашем уже действующем прииске «Амбани-Бира» я узнаю только сейчас и в такой форме. Вы, как я погляжу, человек дела, не обременяющий себя излишними формальностями.

Я молча склонил голову, принимая упрек.

– Впрочем, победителей не судят, – уже мягче продолжил князь, и в уголке его губ мелькнула усмешка. – Ваша инициатива, пусть и самовольная, доказывает состоятельность моих давних убеждений. Земля под вашим прииском будет вам выделена и продана по установленной цене. Оформите все через Сибирский комитет.

Затем он обвел взглядом стол.

– Что же до «горной свободы» в целом – я поддерживаю и это предложение. Владимир Петрович, – обратился он к Буткову, – подготовьте указ о временном введении вольного приноса золота на территории Амурской области.

Это был полный, сокрушительный триумф.

Покинул заседание я, едва ощущая под ногами мраморные плиты. Внутри все пело. Я не просто получил разрешение на свой главный проект. Я, пользуясь моментом, одержал двойную победу, попутно легализовав и свой старый прииск, и создав условия для бурного, неконтролируемого развития всего региона. Я, беглый каторжник, только что одним росчерком пера изменил экономическую политику целой губернии.

Я чувствовал себя на вершине мира. И единственная маленькая туча на этом безоблачном горизонте – мысль о предстоящем очень непростом разговоре с Аглаей Степановной Верецагиной, которой мне предстояло объяснить, почему треть будущей прибыли теперь будут уходить на строительство каких-то там железных дорог. Да еще и Кокорев в акционерах, и сумма всей компании составит целых семь миллионов рублей.

Над Гороховцем стояла золотая осень. Воздух, прозрачный и холодный, был наполнен горьковатым запахом увядающей листвы и дыма из печных труб. Березы на высоком берегу Клязьмы роняли листья в темную, неспешную воду.

На пристани царила суета. Шла погрузка на небольшой, но крепкий колесный пароход «Добрыня». Грузчики, крикая, тащили на борт тяжелые ящики с инструментами, мешки с провиантом, бочки с солониной. Среди них деловито сновали нанятые мной инженеры, выкрикивая распоряжения и сверяясь с бумагами.

Мы с Ольгой стояли чуть поодаль, у самого края пристани, и молча наблюдали за этой суматохой. Она крепко держала меня за руку, и я чувствовал сквозь тонкую ткань ее перчатки легкую нервную дрожь. Впереди нас ждала долгая разлука, и эта спокойная, немного грустная, но полная надежд атмосфера прощания была пропитана тревогой.

– Куда же вы теперь, Владислав? – наконец тихо спросила она, не отрывая взгляда от парохода. – Путь, верно, далекий и опасный?

Я повернулся к ней и заглянул в огромные, полные тревоги глаза. Я видел, что она боится, и мое сердце сжалось от нежности.

– Далекый, Оленька, – спокойно и уверенно ответил я, стараясь, чтобы мой голос ее успокоил. – Но не такой опасный, как тебе кажется. Все продумано до мелочей.

Я начал подробно рассказывать ей весь маршрут, словно проводя финальный брифинг для самого дорогого мне человека.

– Сначала – водный этап. На этом «Добрыне» мы пойдем по Клязьме, Оке и Волге до самой Перми. Это самая легкая и приятная часть пути. Там, на Урале, мы пересядем на телеги и трактом доберемся до Екатеринбурга. К тому времени уже должен лечь снег, и дальше, – я усмехнулся, – начнется настоящая Сибирь. Мы перегрузим все на розвальни, широкие сани, и по Сибирскому тракту пойдем до самого Иркутска.

– До Иркутска... Боже, это же край света, – прошептала она.

– Почти, – улыбнулся я. – Там доберемся до Кяхты, часть инженеров представлю Верецагиной, они подготовят экспедицию и двинут на Бодайбо, а сам двинусь на восток, в Сретенск. Там мы перезимуем, а с весенним паводком по Шилке и Амуру спустимся к нашему «Амбани-Бира».

Я почувствовал, как она напряглась при упоминании этого места, с которого и начались все мои авантюры.

– Не волнуйся, – добавил я, сжав ее руку. – Теперь все по-другому. Мой старый прииск теперь полностью законен. Помнишь, я рассказывал про заседание в Петербурге? Так вот,

благодаря поддержке великого князя на всем Амуре теперь введена «горная свобода». Любой может мыть золото, платя налог в казну. Так что мы теперь не разбойники, а добропорядочные промышленники. И земля под прииск и новое поселение тоже оформлены на меня. Так что все по закону, Оленька. Все по чести.

Я говорил и видел, как уходит страх из ее глаз, сменяясь пониманием и гордостью. Она видела не авантюриста, несущегося навстречу неизвестности, а хозяина, который возвращается в свои владения, чтобы строить новую жизнь. Нашу общую жизнь.

Сжав ее руку, я снова обратил взгляд к пристани, к этому шумному, деловитому хаосу. Ольга видела просто погрузку на пароход. Я же видел другое. Это была не просто экспедиция. Это была моя маленькая частная армия, которая отправлялась в поход за завоеванием Сибири. И я, ее главнокомандующий, мысленно проводил смотр своим войскам и ресурсам.

Вот мой «штаб» – инженеры. Молодые, горячие выпускники и студенты Горного института, которых отобрал для меня профессор Лавров. Они сновали по палубе, выкрикивая указания, проверяя крепления ящиков, и их глаза горели азартом. Во главе их стоял преподаватель Лемешев, человек средних лет, сухой и точный, как логарифмическая линейка. Он погнался не столько за длинным рублем, сколько за возможностью применить свои теоретические знания на практике невиданного доселе масштаба. С ними же ехал и Кагальницкий – от Нобеля, которому он поручил провести первые полевые испытания динамита в тяжелых условиях.

А вот и моя «пехота», главная ударная сила. На отдельную, широкую баржу, которую «Добрыня» должен был тащить на буксире, грузились шестьдесят пять крестьян, решившихся отправиться за тысячи верст в поисках новой доли. В основном молодежь – смелые, крепкие мужики с женами и детьми. Они тащили свой незамысловатый скарб, вели на борт мычащих коров, грузили мешки с зерном и ящики с инструментами, которые я закупил для них. На их лицах читалась и надежда, и тревога, и вековая крестьянская основательность. Это была соль земли русской, отправлявшаяся осваивать новые рубежи.

Поодаль от всех, у склада с бочками, стоял мой «спецназ». Мышляев и двенадцать набранных им отчаянных головорезов. Бывшие армейцы, ушедшие со службы по разным причинам, пара казаков, решивших попытать счастья, и несколько темных личностей, о прошлом которых я предпочитал не спрашивать. Они не суетились. Стояли, курили трубки и молча, с холодным профессиональным интересом наблюдали за происходящим. Это были мои волки, цепные псы, которых я собирался спустить с поводка в дикой тайге.

Я с удовлетворением посмотрел на две небольшие лодки, которые должны были идти на буксире позади баржи. Там, под брезентом, лежали ящики с динамитом. Я категорически запретил грузить его в трюм парохода – от греха подальше. Мой арсенал был тщательно продуман: несколько десятков надежных английских револьверов Адамса двойного действия, сотня капсюльных ружей. Я с сожалением думал о том, как мало американских «винчестеров» мне удалось купить. У них там, за океаном, полыхала своя гражданская война, и лучшее оружие оставалось в Америке. Ну и, конечно, ртуть – десятки запечатанных чугунных бутылей, необходимых для будущих амальгаматоров. Для работы с ней я нанял толкового, хоть и спившегося, химика, некоего Полозова, который с радостью согласился ехать хоть к черту на кулички за хорошее жалованье.

Я смотрел на эту пеструю, разношерстную армию, готовую отправиться в долгое плавание, и чувствовал огромный груз ответственности. Я был единственным, кто видел всю картину целиком. И только от меня зависело, станет ли этот поход началом новой, великой истории или бесславной авантюрой, которая погубит всех этих людей.

Мы прибыли в Екатеринбург, когда Урал уже укутала настоящая зима. После затянувшейся осени центральной России здешний мир был другим – черно-белым, суровым и честным. Низкое, свинцовое небо нависало над городом, из сотен труб валил густой дым, который тут же оседал на свежевыпавшем снегу, окрашивая его в серый цвет.

Наш основной караван с переселенцами и тяжелыми грузами отстал. Я оставил Мышляева и его людей обеспечивать охрану, зная, что их медленный ход затянется еще на пару дней, а то и больше. Сам же я вместе с Изей Рекуновым и инженерами примчался налегке. Время – деньги, и я не собирался его терять.

Оставив инженеров и уставшего Изю отсыпаться на постоялом дворе, я в сопровождении одного лишь Рекунова нанял сани и отправился на Верх-Исетский завод. Я помнил это место. Гигант, дышащий огнем и паром, сердце промышленного Урала.

Управляющего, Аристарха Степановича, я нашел там же, где и в прошлый раз, – в его огромной, заваленной чертежами конторе. Это был все тот же кряжистый, седобородый старик, похожий на лешего, с умными, пронзительными глазами. Он не узнал меня, да и как мог узнать в этом солидном, безупречно одетом столичном господине того оборванца, что приходил к нему просить работу?

Я представился поверенным от нового сибирского золотопромышленного товарищества.

– Мне нужны рельсы, Аристарх Степанович, – сказал я без предисловий, разложив на его столе эскизы. – Для внутрипромысловых узкоколеек. Чтобы вагонетки катать. Заказ небольшой для вашего завода, пробный. Но, если качество устроит, последуют и другие, куда более крупные.

Он долго, со знанием дела, изучал мои чертежи, цокая языком.

– Сделать можно, – наконец вынес он вердикт. – Заказ и впрямь невелик. А что ж вы, сударь, на мелочь размениваетесь? Нынче в России дела покрупнее творятся. Вот, говорят, в Главном железнодорожном обществе власть меняется. Слыхали, поди? Французов-то турнули. Теперь наши, московские, к делу приступают. Вот где заказы будут, вот где деньжищи потекут!

Он посмотрел на меня с хитрым прищуром.

– Слышал, – кивнул я. – И более того, могу вам в этом деле посодействовать. Новое правление возглавит купец Кокорев, Василий Александрович. Человек дела и патриот. Он будет рад отдать подряд на рельсы не заграничным заводам, а уральским. Если, конечно, уральские заводы докажут, что способны выполнить заказ такого масштаба.

Глаза управляющего загорелись. Он увидел перед собой возможность, о которой не смел и мечтать.

– Да мы!.. Да мы горы свернем! – пророкотал он. – Только как же до этого Кокорева достучаться? Он в Москве, а мы здесь... Пока письмо дойдет, уж все поделят.

– Для этого, Аристарх Степанович, существует прогресс, – усмехнулся я. – В вашем городе имеется телеграф.

Через час мы уже стояли в тесной каморке на почтовой станции. Я продиктовал телеграфисту короткую, но емкую депешу для Кокорева, где изложил суть дела и рекомендовал Верх-Исетский завод как надежного подрядчика. Ответ пришел с поразительной скоростью. Кокорев, не теряя времени, телеграфировал технические условия на рельсы и предлагал немедленно начать подготовку к производству.

Я покинул контору, оставив Аристарха Степановича и его помощников в состоянии эйфории. Они смотрели на меня как на волшебника, спустившегося с небес. Они не знали моего настоящего имени, не знали, кто я. Но я только что, оставшись в тени, соединил промышленную мощь Урала с финансовой силой Москвы, создав еще один союз. Рекунов, бывший свидетелем всего этого, молчал, но я видел в его глазах новое, невольное уважение. Он начинал понимать, что сила моего оружия не только в револьвер.

Отдохнув как следует и перегрузив товар на сани, мы вновь отправились в путь.

После нескольких недель пути по бесконечному белому безмолвию Сибирского тракта наш санный обоз наконец втянулся в Тобольск. Древняя столица Сибири, раскинувшаяся под высоким холмом, встретила нас скрипом полозьев, лаем собак и густым дымом, столбами стоявшим над заснеженными крышами.

Для нашего каравана это была запланированная, долгожданная остановка. Люди устали, лошади выбились из сил. Я распорядился разместить всех на нескольких постоянных дворах, людям надо было отдохнуть, отогреться и пополнить припасы.

Но для меня это был не просто привал.

Не заезжая на постоянный двор, я вместе с Изей и Рекуновым велел нашему ямщику ехать по другому адресу, где должен был стоять новый приют. В моем дорожном саквояже рядом с револьвером лежал самый важный документ в моей жизни – официальная бумага о принятии меня в русское подданство и разрешение на усыновление. Я ехал за сыном.

Сердце стучало в груди так, что, казалось, его слышали все. Я то и дело касался внутреннего кармана сюртука, где лежали бумаги: мой пропуск в новую жизнь, в отцовство. Я представлял себе, как войду в приют, как увижу его, как впервые назову сыном.

– Курила, ты только не волнуйся, – бормотал Изя, видя мое состояние. – Сейчас приедем, заберем парня. Все будет хорошо. Таки я тебе говорю!

Рекунов, сидевший напротив, молчал, но даже его каменное лицо казалось чуть мягче обычного.

Наконец сани остановились на окраине города.

– Приехали, ваше благородие, – сказал ямщик, указывая кнутом. – Вот она, эта улица. Приют – он тут был.

Я выглянул из кибитки, ожидая увидеть старое казенное здание, возможно, обветшалое, но полное жизни. Но его не было.

Перед нами, на том месте, где, по всем картам и планам, должен был стоять новопостроенный приют, расстилался лишь большой, заснеженный пустырь.

Глава 5

Я смотрел на это пустое заснеженное место, а зубы начинали скрежетать.

– Курила, может, мы адресом ошиблись? – первым нарушил тишину Изя, и в его голосе звенела тревога. – Кучер, ты уверен, что это здесь?

– А как же не здесь, – пробасил ямщик, тоже с недоумением глядя на пустырь. – Вот она, Никольская улица. Тут всегда приют был. А теперь... видать, снесли али сгорел.

– Блядь, – вырвалось у меня тихо, почти беззвучно.

Изя и Рекунов молчали, не решаясь меня беспокоить, чувствуя момент. Что они могли сказать? Что сделать?

И тут в памяти всплыло лицо. Доброе, морщинистое, полное мудрой печали. Прасковья Ильинична. Старая каторжанка, работница из тюремного острога. Женщина, которую я нанял приглядывать за моим сыном, моя единственная ниточка к нему в этом проклятом городе. Она. Если кто-то и мог знать, то это она.

– К тюремному острогу! – прохрипел я ямщику. – Живо!

Мы снова понеслись по скрипучему снегу. Но теперь я не чувствовал надежды. Я испытывал только первобытный, животный страх.

Домик Прасковьи Ильиничны стоял на самой окраине, у серых, угрюмых стен острога. Маленький, вросший в землю, но с аккуратными, чистыми занавесками на окнах и дымком, выходящим из трубы. Я выскочил из саней, не дожидаясь, пока они остановятся, и бросился к низкой двери.

Она открыла почти сразу, словно ждала. Увидев меня, ахнула, всплеснула руками, и ее лицо озарилось радостью.

– Милок! Вернулся! Господи, слава тебе...

– Он... где он? – перебил я ее, не в силах больше терпеть.

Она молча отступила в сторону, пропуская меня в избу.

Изя с Рекуновым остались на улице и, видя, что все закончилось хорошо, вернулись на постоянный двор.

Внутри было жарко натоплено, пахло сушеными травами и свежим хлебом. И посреди комнаты на домотканом коврике, сидел он.

Маленький серьезный мальчик, которому на вид было чуть больше двух лет. Он был одет в чистую холщовую рубашку и с невероятным усердием игрался с деревянной ложкой. Услышав наши голоса, поднял голову. И я утонул. Утонул в огромных, как у меня, глазах, которые смотрели с детским, невинным любопытством. Мой сын.

Я опустился на колени, не смея подойти ближе. Все слова, которые я готовил, все мысли – все вылетело из головы. Я просто смотрел на него и молчал.

Прасковья Ильинична подошла и положила свою сухую, теплую руку мне на плечо.

– Ванечка, – тихо сказала она. – Вот и твой тятя приехал.

Я оставался с сыном до вечера, а потом, когда он уснул, убаюканный на теплой печи, Прасковья Ильинична, отчитываясь передо мной, как перед хозяином, рассказала горькую правду.

– Старый-то приют снесли, – говорила она, и в ее голосе звенела горечь. – А как до стройки новой дошло, тут и началось. Прознал начальник тюрьмы, что Общество благотворителей строителей ищет, сам к ним и явился. План у него был благородный: построить приют на общественные деньги да силами арестантов. Мол, дешевле, и арестанты при полезной работе будут, исправятся.

Она горько усмехнулась.

– А на деле-то что вышло? Деньги, что вы и остальные пожертвовали, он забрал, а про стройку и думать забыл. Арестантов пару раз выгнали на пустырь, они бревна растащили, и все на том кончилось. А сирот... – Она перекрестилась. – Всех, кто постарше, обратно в тюремный острог перевели, в общие камеры. Говорят, мрут там как мухи. Одного только Ваньку я и успела к себе забрать. Как вы велели, глаз с него не спускала. Сказала, хворый он, ухода требует. Отдали, да и то пришлось рубль сунуть. А за остальных душа болит, ой как болит...

Я вернулся в свой унылый номер на постоялом дворе. Изя и Рекунов уже ждали. Они ничего не спрашивали – по моему лицу и так было все понятно.

Я был в бешенстве. Информация о начальнике тюрьмы и арестантах стала последней каплей, личным оскорблением, которое всколыхнуло в моей душе самые темные, самые болезненные воспоминания.

В моей памяти с мучительной ясностью всплыли картины собственного прошлого. Этап. Бесконечный серый путь по замерзшей земле. Голод, который грыз внутренности так, что хотелось выть. Холод, от которого ломило кости и темнело в глазах. Унижение. И вечная, мелкая, подлая вороватость начальства.

Я остановился у окна и сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Начальник тюрьмы не просто вор. Он – воплощение той самой системы, которая паразитирует на самых бесправных. Он – та самая мразь, что отбирает последний кусок хлеба у каторжника и последнюю надежду у сироты.

«Мрази... – пронеслось у меня в голове. – Такие мрази существуют. Готовые обворовать самых незащищенных – сирот. И прикрыться для этого трудом других несчастных – арестантов, у которых крадут последний кусок хлеба».

– Курила, я тебя умоляю, только не делай глупостей! – Изя, видя мое состояние, испуганно подался вперед. Он, видимо, решил, что я сейчас схвачу револьвер и побегу вершить суд. – Я понимаю, ты зол, я сам готов разорвать этого поца на куски! Мы этим шлемазлам все волосы повыдергиваем, они еще не знают, с кем связались! Но не надо сейчас бежать и бить ему морду. Это ничего не решит!

Рекунов, сидевший до этого неподвижно в углу, молча поднял на меня свои холодные, бесцветные глаза. Он ничего не советовал, не лез с вопросами. Просто ждал, и я знал, что он готов помочь.

– Нет, – сказал я, и они оба удивленно посмотрели на меня. – Простая расправа – это слишком мелко. Вырвать у него деньги – это не решение. На его место придет другой такой же. Я устрою такое, что многие годы некоторым еще икаться будет.

Я встал и начал мерить шагами комнату. План рождался прямо на глазах, четкий и безжалостный.

– Мы запустим каток. Настоящий каток правосудия, который раздавит не только его. Ты прав, Изя. Бить морду будет слишком мелко. Этот начальник тюрьмы – чиновник. А у каждого чиновника есть грехи. Долги, любовницы, взятки... Даю тебе день. Поговори с местными. Я хочу знать о нем все.

Изя тут же, как гончая, взяв след, отправился в нижний город, в трактиры и лавки, чтобы запустить свои каналы и собрать все слухи и сплетни о начальнике тюрьмы.

Я же, оставшись один, решил, что мне нужно узнать все из первых рук. Кто именно в «Благотворительном обществе» так ратовал за кандидатуру начальника тюрьмы? Кто подписывал бумаги? Чье слово было решающим? И вообще, как это все произошло, черт возьми!

Я велел подать сани и отправился с визитами. Первым был дом городского головы. Пышная, накурянная его супруга встретила меня с распростертыми объятиями, но, услышав мои вопросы о делах Общества, тут же сменила тон.

– Ах, батюшка, Владислав Антонович, – заворковала она, – делами-то муж ведает. А мы, бабы, что? Наше дело – чай разливать да за сироток молиться.

Сам городской голова был «в отъезде по срочным делам».

Следующий визит, к городничему, принес тот же результат. Меня угощали вареньем, расспрашивали о столичной моде, ахали от моих рассказов, но как только речь заходила о приюте, все тут же ссылались на мужей и общие собрания. Но все-таки рассказ Прасковьи Ильиничны подтвердился, хоть и без подробностей.

Я быстро понял, что этот путь – тупик. Общество собралось не так часто, раз в неделю, а то и реже. Каждый из них поодиночке боялся брать на себя ответственность и говорить что-либо конкретное. А ждать целую неделю, пока они соберутся все вместе, у меня не было ни времени, ни желания.

Вернувшись в трактир, я пообедал и вышел на морозный воздух.

Оглядевшись, вокруг заметил одного из ямщиков и направился к нему.

– Куда прикажете, ваше благородие? – спросил мужик, почтительно сняв шапку.

– В архиерейский дом. – Мой голос прозвучал твердо и спокойно. – К епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму.

Ямщик удивленно крикнул, но спорить не стал. Сани тронулись, и полозья заскрипели по чистому, белому снегу. Я ехал по улицам древнего города, и на моем лице не было ни тени сомнения.

Морозный, колкий воздух обжигал щеки. Мы миновали нижний город и начали долгий, крутой подъем по Пря姆斯кому взвозу. И вот наконец перед нами выросли величественные, древние стены кремля, увенчанные зубчатыми башнями. На фоне холодного, свинцового зимнего неба ослепительно горели золотые купола Софийско-Успенского собора.

Атмосфера здесь была совершенно иной. Веяло веками, мощью, чем-то незыблемым и строгим.

Пока сани катились по территории Кремля, я в последний раз прокручивал в голове предстоящий разговор. Я понимал, что здесь нельзя действовать нахрапом или угрозами, как с Мышляевым. Нельзя говорить и языком выгоды, как с купцами. Человек, к которому я ехал, мыслил иными категориями.

Я должен был отбросить все свои маски: и авантюриста, и промышленника, и безжалостного мстителя – предстать перед ним тем, кем меня уже считало благотворительное общество Тобольска: искренним филантропом, радеющим о душах невинных сирот и ищущим у пастыря не союзника в интригах, а защиты и помощи.

Ямщик остановил сани у входа в Архиерейский дом – большое, строгое каменное здание рядом с собором.

– Приехали, ваше благородие.

Я вышел из саней. Мое лицо было спокойным и исполненным скорбной решимости. Я сделал глубокий вдох и шагнул навстречу своей цели.

Дверь Архиерейского дома отворил не лакей в ливрее, а молодой, бледный монах в простом черном подряснике. Он молча поклонился и пропустил меня внутрь.

Здесь все было иначе. Я попал из мира суеты и денег в мир тишины и вечности. Густая, почти церковная тишина глушила звуки с улицы. Воздух был прохладным и пах ладаном, воском еще чем-то едва уловимым. Со строгих, потемневших от времени икон, висевших на стенах, на меня смотрели суровые лики святых. Их взгляды, казалось, проникали в самую душу, требуя не отчета о прибылях, а ответа за грехи.

– Я хотел бы видеть его высокопреосвященство, владыку Варлаама, – сказал я тихо, стараясь, чтобы мой голос не прозвучал слишком резко в этой благоговеиной тишине.

Монах, не поднимая глаз, так же тихо ответил:

– Владыка занят. Он готовится к службе и не принимает. У него дела епархии.

Это был вежливый, но твердый отказ.

Я склонил голову, принимая вид смиренного просителя, в голосе которого, однако, звучала скорбная настойчивость.

– Прошу вас, доложите обо мне. Это дело не терпит отлагательств. Передайте его высокопреосвященству, что к нему обращается дворянин Владислав Антонович Тарановский, член Тобольского благотворительного общества, по неотложному и крайне скорбному делу, касающемуся душ вверенных ему сирот.

Я намеренно подобрал каждое слово. «Дворянин» и «член общества» – для статуса. «Неотложное и скорбное дело» – для срочности. Но главным ключом была последняя фраза – «душ вверенных ему сирот». Я не просил за себя. Я напоминал владыке о его прямой ответственности за свою паству.

Монах на мгновение замер. Я видел, как он колеблется. Он поднял на меня быстрый, изучающий взгляд, снова поклонился и беззвучно исчез в глубине коридора.

Я остался ждать в приемной один.

Через несколько минут монах вернулся.

– Владыка вас примет, – сказал он уже другим, более уважительным тоном. – Прошу.

Он распахнул передо мной тяжелую дубовую дверь, и я шагнул в кабинет епископа Тобольского и Сибирского.

Кабинет владыки Варлаама не походил на пышные гостиные, в которых я привык бывать. Здесь не было ни позолоты, ни шелков. Только строгость и мысль. Огромные, от пола до потолка, шкафы из темного, почти черного дуба были забиты книгами в кожаных переплетках. На массивном письменном столе царил идеальный порядок, а в углу, в отблесках пламени свечи, темнели лики на старинных иконах.

Сам владыка, высокий, седой старик с орлиным профилем и лицом, будто высеченным из камня, сидел в глубоком кресле. Он не был наивным старцем. Его пронзительные, мудрые глаза смотрели на меня внимательно и строго, и я чувствовал, что этот человек видит меня насквозь.

– Я вас слушаю, господин Тарановский, – произнес он, и его голос, ровный и глубокий, заполнил тишину кабинета. – Что за скорбное дело привело вас ко мне?

Я почтительно поклонился.

– Ваше высокопреосвященство, вы, возможно, слышали обо мне. Я тот самый коммерсант, что имел честь стать членом Тобольского благотворительного общества и пожертвовать значительную сумму на строительство нового приюта для детей-сирот. Я действовал, как мне казалось, из соображений христианского милосердия, желая помочь самым беззащитным.

Епископ кивнул, давая понять, что слышал.

– Так вот, владыко, – продолжил я, и в моем голосе зазвучала неподдельная горечь, – вернувшись в Тобольск, я обнаружил, что добродетель наша была поругана самым гнусным образом. На месте, где должен был стоять новый приют, лишь заснеженный пустырь. Деньги, пожертвованные мной и другими членами общества, бесследно исчезли. Но это не самое страшное. Самое страшное, – я сделал паузу, – что несчастных сирот, этих невинных душ, вернули обратно в тюремный острог, в нечеловеческие условия, где они обречены на болезни и гибель.

Я говорил не о деньгах. Я говорил о поруганной святине, о преступлении против самой идеи милосердия.

– Я не знаю, кто именно совершил это злодеяние, владыко, – намеренно не назвал я имени начальника тюрьмы, – но очевидно, что некий хитрый мошенник втерся в доверие ко всему нашему Обществу благотворителей. Он обманул не только меня. Он обманул всех нас. Посмеялся над нашим общим богоугодным делом.

Я лишь изложил факты, представив дело так, будто и он, духовный покровитель города, оказался в числе обманутых и оскорбленных.

Епископ долго молчал. Его лицо, до этого строгое, стало каменным, а в глубине глаз зажегся холодный, гневный огонь. Он понял все.

– Это... это чудовищно! – произнес он наконец, и его голос был тих, но в нем звенел металл. – Вопиющая безнравственность! Как такое могло произойти в богоспасаемом граде Тобольске?!

Он смотрел не на меня, а куда-то вдаль, сквозь стену, и я понял, что мои слова попали в самую цель. Это было не просто воровство. Это было святотатство. Поругание самой идеи милосердия в его епархии.

– Я и пришел к вам, владыко, за советом и помощью, – сказал я с почтительным поклоном. – Я человек здесь новый, моих сил не хватит, чтобы в одиночку бороться с таким злом. Но ваше слово... может сдвинуть горы и дойти до тех сердец, что глухи к закону.

Он резко повернулся ко мне, и в его взгляде была решимость.

– Вы поступили правильно, господин Тарановский. Я не оставлю это дело. Это пятно позора на всем нашем городе, и оно должно быть смыто. Немедленно. Вы можете рассчитывать на мою полную поддержку.

Он подошел к столу, взял лист бумаги и макнул перо в чернильницу.

– Я сейчас же напишу письмо господину губернатору, Деспот-Зеновичу. И потребую от него немедленного и самого строгого расследования этого гнусного дела. А на ближайшей воскресной проповеди в соборе, – он поднял на меня тяжелый взгляд, – я сочту своим долгом напомнить всей пастве о христианском милосердии и о страшном грехе тех, кто наживается на слезах сирот. Думаю, – в уголке его губ мелькнула жесткая усмешка, – некоторым членам благотворительного общества станет очень неудобно.

Я поклонился, скрывая свое торжество.

– Благодарю вас, владыко. Вы даете мне надежду.

Я покинул архиерейский дом с чувством мрачного, холодного удовлетворения. Я получил то, за чем пришел – мощнейшую моральную поддержку. Мой «каток правосудия» только что обрел вес, способный сокрушить любое сопротивление.

Я вернулся на постоянный двор, когда над Тобольском уже сгущались синие зимние сумерки. День был долгим и напряженным. Первым делом я отыскивал хозяина.

– Баньку, любезный, – бросил я ему, кладя на стойку серебряный полтинник. – Да пожарче, чтобы пар кости ломил. Смыть с себя и дорожную грязь, и дневные заботы.

Пока баня топилась, я собрал в общей зале трактира своих молодых инженеров. Заказал для всех ужин: горячие щи, кулебяку, сбитень – и подсел к ним.

– Ну что, орлы, носы повесили? – бодро начал я. – Или уже успели заскучать по петербургским туманам?

Они смущенно переглянулись.

Мы как раз заканчивали ужин, когда дверь трактира скрипнула, и в клубах морозного пара в залу ввалился Изя. Он стряхнул с воротника шубы снег, лицо, покрасневшее от мороза, сияло самодовольством. Он прошел через всю залу, поймал мой взгляд и, прежде чем подойти к нашему столу, едва заметно, но очень значимо кивнул в сторону коридора, ведущего в наши комнаты.

Я понял. Он что-то принес. И это «что-то» было очень важным.

Рассчитавшись за ужин и кивнув инженерам на прощание, я направился в наши комнаты. Изя поспешил за мной, его лицо выражало крайнюю степень нетерпения. Едва я затворил за нами дверь, он подскочил ко мне, и его глаза горели азартом.

– Курила, я тебя умоляю, давай поговорим! – зашептал он, оглядываясь на дверь, словно боялся, что стены трактира имеют уши. – Я такое узнал! Этот начальник тюрьмы...

– Отлично, Изя, – спокойно прервал я его, раскуривая трубку. – Я не сомневался в твоих талантах. Но это чуть позже. Сейчас у меня для тебя другое поручение.

Он замер с открытым ртом, его восторженное лицо вытянулось.

– Другое? Какое еще другое? Курила, я принес тебе на блюдечке все его грязное белье!

– И мы его непременно вывесим на всеобщее обозрение, – заверил я. – Но чуть позже. А сейчас... – я сделал паузу, с удовольствием наблюдая за его реакцией, – придется тебе снова поработать моим... слугой.

Глава 6

Изя замер с открытым ртом, его восторженное лицо вытянулось и приняло обиженное выражение.

– Ой-вэй, опять! – картинно всплеснул он руками. – То я у тебя сыщик, то я писарь, теперь снова слуга! Курила, я таки коммерсант с большим будущим, а не Фигаро из этой вашей оперы!

Я усмехнулся и, не обращая внимания на его возмущение, достал из кожаного бумажника свою визитную карточку. Тисненая золотом надпись на плотном картоне гласила: «Владислав Антонович Тарановский».

– Вот, – сказал я, протягивая ее Изе. – Отнесешь это в дом губернатора. Передашь его адъютанту или секретарю и попросишь назначить мне встречу по неотложному делу.

Изя все еще не понимал, к чему такая спешка, и смотрел на меня с недоумением.

– Но просто передать визитку – мало, – пояснил я, и в моем голосе появились заговорщицкие нотки. – Ты должен, пока ждешь, пока передаешь бумагу, пустить им пыль в глаза. Устроить маленький спектакль. Как бы невзначай в разговоре с прислугой или секретарем ты должен упомянуть несколько вещей...

Я начал инструктаж, и Изя, слушая, постепенно переставал дуться.

– Во-первых, что твой господин, то есть я, близкий друг и деловой партнер таких столпов, как Аглая Верещагина, барон Штиглиц и купец Кокорев. Во-вторых, что твоему господину предлагали пост в правлении ГОРЖД, но он отказался ради более важных сибирских проектов. И в-третьих, самое главное, – я понизил голос, – что он находится здесь, в Сибири, по личному поручению великого князя Константина, и новое общество «Сибирское Золото» создано с высочайшего соизволения, в котором я являюсь главным акционером.

Я выдержал паузу, глядя на Иziu.

– Это чтобы от меня не отмахнулись, как от очередного просителя. Чтобы губернатор еще до нашей встречи прекрасно знал, с кем имеет дело, и боялся мне отказать.

Изя молчал. Но это было молчание не обиды, а озарения. Я видел, как в его голове сложный пазл складывается в единую, восхитительно дерзкую картину. Обиженная гримаса медленно сползла с его лица, сменяясь азартным блеском в глазах. Наконец его губы растянулись в фирменной одесской улыбке – смеси наглости, ума и невыразимого обаяния.

– Курила, я тебя понял! – выдохнул он. – Ой, я сделаю им такой геволт! К тому времени, как ты придешь к этому губернатору, он будет думать, что к нему на прием записался внебрачный сын самого императора!

Он бережно, как величайшую ценность, взял у меня визитную карточку, спрятал ее во внутренний карман, поправил галстук и, превратившись из моего компаньона в почтительного секретаря важной особы, направился к выходу.

Я остался один с чувством глубокого удовлетворения. Второй «каток» моего плана мести тоже тронулся с места.

Не прошло и часа, как Изя вернулся. Он не вошел – он вплыл в мой унылый номер на постоялом дворе, как павлин, распутивший хвост. Обиженная гримаса исчезла без следа. Его лицо сияло, глаза метали молнии, а в каждом движении сквозило самодовольство актера, только что сорвавшего овации.

– Ну? – спросил я.

– Ой, Курила, не спрашивай «ну»! Спроси «как»! – Он театрально взмахнул рукой, бросая на стул свою меховую шапку. – Это была не работа. Это была песня!

Он уселся напротив меня, подался вперед и заговорил страстным, заговорщицким шепотом.

– Ты бы видел этого секретаря! Такой важный поц в вицмундире, смотрит на меня, как будто я пришел у него милостыню просить. Взял твою визитку двумя пальцами, так брезгливо, и говорит: «Господин губернатор очень заняты. Возможно, через неделю найдется время».

Изя сделал паузу, наслаждаясь моментом.

– И тут я начал! Я сделал такое скорбное лицо, вздохнул и говорю ему так, чтобы все в приемной слышали: «Ах, как жаль! Мой господин, господин Тарановский, так надеялся успеть. У него ведь еще дела с бароном Штиглицем, да и Василий Александрович Кокорев ждет в Москве, не дождется». Слышу, в приемной шепоток пошел. А секретарь уже смотрит на меня другими глазами.

Изя хитро подмигнул.

– Но это были еще цветочки! Я наклонился к нему и так тихо-тихо, по большому секрету, говорю: «А главное, мы ведь здесь по личному поручению его императорского высочества, великого князя Константина. Он очень интересуется сибирскими проектами моего господина, да и пост в правлении железных дорог предлагал, да мой хозяин отказался – Сибирь, говорит, важнее!»

Он откинулся на спинку стула, расплываясь в самодовольной улыбке.

– Курила, что тут началось! Этот поц чуть со стула не упал. Забегал, засуетился, начал называть меня «уважаемый Исаак Абрамович». Другие просители, что там сидели, смотрели на меня как на восьмое чудо света. А я сижу, скромно так потупив глазки, и делаю вид, что просто жду.

И он на секунду умолк, а потом торжествующе произнес.

– Встреча с губернатором Деспот-Зеновичем назначена на завтра. В десять утра. Самое первое, самое почетное время.

Он с гордостью посмотрел на меня.

– К тому времени, как я уходил, Курила, вся приемная шепталась. Они уверены, что ты – тайный ревизор из Петербурга, присланный самим великим князем, чтобы навести порядок в Сибири!

Я не смог сдержать усмешки.

– Хорошая работа, Изя. Очень хорошая работа, – похвалил я его. А теперь рассказывай, что ты узнал по этому... – и я брезгливо махнул рукой.

Изя достал из кармана мятую, исписанную убористым почерком бумажку и, водрузив на нос пенсне, начал свой доклад с видом прокурора, зачитывающего обвинительное заключение.

– Итак, знакомься: начальник Тобольского тюремного замка, коллежский асессор Артемий Семёнович Хвостов.

Имя прозвучало в тишине комнаты сухо и буднично, как имя любого другого мелкого беса в имперской иерархии.

– Наш Артемий Семёнович – игрок. Большой игрок, – продолжал Изя, заглядывая в свои записи. – Он должен всему городу. Самый крупный долг – местному купцу-миллионщику, за карточным столом проигрался. Поэтому ему и нужны были деньги от приюта как воздух.

Я молча кивнул. Все было до банальности просто.

– Но это, Курила, не самое страшное. – Изя понизил голос, и в нем зазвучали нотки неподдельного омерзения. – Говорят... ой, даже говорить страшно... у него в доме нет постоянной прислуги. Каждые три месяца в его доме появляются новые молодые служанки. Он берет из женского отделения тюрьмы двух-трех молодых арестанток, якобы для работы по дому. А через три месяца отправляет их обратно или на этап и берет новых. Свеженьких. Все в городе делают вид, что ничего не замечают. С виду все чинно и благородно, но... ты понимаешь, что это значит. Этих арестанток начальник тюрьмы использует как гарем, меняя их как перчатки. Есть еще слух, что, бывает, продает их услуги!

Я слушал, и лицо мое, казалось, превращалось в камень.

– И это еще не все, – закончил Изя. – Я поговорил с одним стариком, который поставляет в тюрьму дрова. Так он мне таки рассказал страшные вещи! Этот Хвостов ворует! Недодает арестантам пайку, продает налево казенные дрова и овес. Он делает деньги на всем, даже на голоде тех несчастных, которых должен охранять! Но тут и удивляться не чему, сам помнишь этап.

Последние слова ударили меня как хлыст. Я снова, как наяву, ощутил тот вечный, сосущий голод каторжного этапа, вспомнил вкус гнилой баланды и лица товарищей, умиравших от цинги.

Я молчал. Изя закончил свой доклад и теперь смотрел на меня, ожидая реакции. Он дал мне в руки оружие – грязное, вонючее, но невероятно эффективное. Теперь я знал все слабые места моего врага. И я знал, как именно буду его уничтожать.

На следующее утро я отправился наносить главный визит. Резиденция губернатора Деспот-Зеновича была истинным воплощением имперского порядка: строгий классический фасад, часовые у входа, а внутри – гулкие коридоры, где сновали молчаливые чиновники в вицмундирах и пахло сургучом и казенной бумагой. Здесь не было ни аристократической роскоши, ни церковного благолепия. Здесь была Власть.

Благодаря легенде, созданной Изей, меня приняли почти без промедления. Губернатор, Александр Иванович Деспот-Зенович, оказался человеком средних лет, с умным, но усталым и очень осторожным лицом карьерного чиновника. Он уже явно получил грозное письмо от епископа Варлаама, и это сделало свое дело. Он встречал меня с подчеркнутым, но очень настойчивым уважением.

– Весьма рад знакомству, господин Тарановский, – произнес он, указывая на кресло. – Наслышан о ваших масштабных начинаниях в Сибири.

– Взаимно, ваше превосходительство, – ответил я, принимая правила игры. – Я и прибыл в Тобольск не только по делам моего нового предприятия, «Сибирского Золота», но и как благотворитель, радеющий о процветании вверенного вам края.

Я видел, как он напрягся, ожидая перехода к неприятной теме. Я не стал томить его.

– Я говорю о новом сиротском приюте, одним из главных жертвователей на который я имею честь состоять, – говорил я спокойно, тоном бизнесмена, докладывающего о сорванном контракте. – И я, как вкладчик и член общества, вынужден доложить вам о прискорбном инциденте. Мой благотворительный проект был саботирован. Деньги, собранные всем миром, украдены, а сироты вместо нового дома возвращены в нечеловеческие условия тюремного острога. И все это, как выяснилось, провернул начальник этой же тюрьмы, коллежский асессор Хвостов.

Губернатор помрачнел. Он явно уже знал это из письма владыки, но услышать в лицо от «столичного гостя с высокими покровителями» было куда неприятнее.

– Это возмутительно! – произнес он казенную фразу. – Я немедленно прикажу...

– Ваше превосходительство, – мягко прервал я его, – я обращаюсь к вам не с просьбой о наказании. Я обращаюсь с тревогой.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Такой вопиющий скандал... – Я сокрушенно покачал головой. – Если о нем станет известно в Петербурге... а владыка Варлаам, как вы знаете, человек решительный, да и у меня есть определенные связи в столице... боюсь, это бросит ужасную тень на репутацию всей губернской администрации. Это будет выглядеть так, будто здесь, в Тобольске, власть не в состоянии проконтролировать даже богоугодное дело.

Я замолчал, давая ему осознать всю глубину скрытой угрозы. Я не угрожал, а «беспокоился» о его репутации. Он все понял. Речь шла уже не о сиротах и не о воре-тюремщике. Речь шла о его собственной карьере, которая могла рухнуть в один миг или обойтись очень дорого для него и его покровителей в столице.

Он резко поднялся и заходил по кабинету. Пассивный слушатель мгновенно превратился в деятельного администратора, спасающего положение.

– Накажу! – произнес он, и в его голосе зазвенела сталь. – Неслыханная халатность! Я уверен, это все городской голова... его управа! Они отвечают за подряды! Я немедленно создам комиссию, будет проведено самое тщательное расследование...

Он начал говорить быстро, на ходу выстраивая линию обороны и ища козлов отпущения. Я позволил ему выпустить пар, а затем, когда он сделал паузу, чтобы перевести дух, мягко вмешался.

– Ваше превосходительство. – Мой голос прозвучал тихо, но в наступившей тишине каждое слово было весомым. – Позвольте высказать скромное мнение. Громкие комиссии могут повредить всем нам. Они создадут ненужный шум. Возможно, расследование стоит провести тихо, но максимально эффективно?

Он остановился и посмотрел на меня, ожидая продолжения. Я «помогал» ему найти правильное решение.

– Губернский прокурор мог бы без лишнего шума изучить это дело по этому подряду. А начальник жандармского управления, – я сделал едва заметную паузу, – мог бы деликатно проследить, чтобы ключевые фигуры... не покинули город до завершения следствия. Тихое, но неотвратимое расследование под вашим личным контролем, ваше превосходительство, лишь укрепит вашу репутацию в глазах столицы как рачительного и строгого хозяина, который не терпит беспорядка во вверенной ему губернии.

Он смотрел на меня, и я видел, как в его умных, осторожных глазах страх сменяется пониманием, а затем и невольным уважением. Я не просто угрожал. Я давал ему идеальный выход из положения. Предлагал план, по которому он не только решал проблему, но и выходил из нее победителем.

Он был загнан в угол. Но в этом углу я оставил для него золотую клетку с открытой дверцей. И он не колеблясь шагнул в нее.

– Вы правы, господин Тарановский, – сказал он уже совершенно другим, деловым тоном. – Именно так мы и поступим.

Он подошел к столу и дернул за шнурок звонка. Вошедшему адъютанту он отдал короткий, четкий приказ:

– Немедленно пригласите ко мне губернского прокурора и господина жандармского штаб-офицера. Срочно.

Я остался в кабинете губернатора, с вежливым видом приняв его предложение «подождать господ из ведомств». Пока адъютант летел с поручением, я вел с Деспот-Зеновичем непринужденную светскую беседу, которая, однако, была частью моего плана.

Я делился сплетнями из столицы. Рассказывал об успехах Кокорева и барона Штиглица по оздоровлению Главного общества железных дорог, о том, какой фурор произвел их тандем на парижской бирже. Как бы невзначай упомянул о высочайше одобренной «горной свободе» на Амуре, которая должна привлечь в край тысячи переселенцев. Наконец я в общих чертах обрисовал ему перспективы моего нового общества, «Сибирского Золота», дав понять, что за проектом стоит личный интерес великого князя Константина.

Я видел, как с каждой фразой меняется отношение губернатора. Он переставал видеть во мне просто обиженного вкладчика. Он видел человека с колоссальным влиянием, друга могущественнейших людей империи, доверенное лицо члена императорской фамилии. К тому моменту, как в кабинет ввели губернского прокурора и жандармского штаб-офицера, Деспот-Зенович смотрел на меня уже не с настороженностью, а с заискивающим уважением.

Прокурор, сухой, педантичный чиновник, и жандарм, бравый вояка с пышными усами, очевидно, не понимали срочности вызова. Но губернатор не дал им времени на размышления.

Желая показать «столичному гостю» свою решительность и хозяйскую хватку, он обрушился на них с громом и молниями.

– Господа! – прогремел он, ударив ладонью по столу. – Доколе в моей губернии будет твориться беззаконие?! Мне докладывают о чудовищных хищениях общественных средств, о поругании богоугодного дела! Сироты вместо нового приюта брошены в тюрьму! Я требую немедленного, самого строгого расследования!

Прокурор и жандарм переглянулись, ошарашенные таким напором. Губернатор кивнул в мою сторону.

– Вот, господин Тарановский, один из главных благотворителей, лично прибыл из столицы. Опросите его. И чтобы через час у меня на столе лежала записка о первых принятых мерах!

Чиновники, взяв себя в руки, приступили к формальному допросу. Я спокойно и сдержанно пересказал им уже известную историю: пожертвование, создание общества, строитель в лице начальника тюрьмы Хвостова, пустырь вместо приюта.

– Весьма прискорбно, – процедил прокурор, когда я закончил. – Мы начнем проверку...

– Господа, – прервал я его. – Возможно, я смогу несколько ускорить ваше расследование. Я достал из кармана мятую бумажку, которую мне дал Изя, и положил ее на стол.

– Мне тут донесли некоторые любопытные детали о господине Хвостове. Например, о его крупном карточном долге купцу Плеханову. Вероятно, именно на погашение этого долга и пошли деньги, собранные на сирот.

Прокурор заинтересованно подался вперед.

– А еще, – я понизил голос, и в кабинете повисла ледяная тишина, – мне стало известно, что в доме господина начальника тюрьмы каждые три месяца полностью меняется женская прислуга. И всякий раз это молодые арестантки из женского отделения вверенного ему заведения. Их берут якобы для работ по дому, а затем возвращают обратно на нары, беря новых.

Всем в кабинете стало не по себе. Жандармский офицер побагровел, прокурор нервно кашлянул. Даже губернатор смотрел на меня с нескрываемым ужасом. Обвинение в казнокрадстве было привычным делом. Но это... это было чудовищно. Это пахло скандалом, который мог похоронить карьеру каждого из присутствующих.

– Я понимаю, что расследование потребует времени, – заключил я, поднимаясь. – Но, к сожалению, собственные дела не позволяют мне надолго задерживаться в Тобольске. Я очень надеюсь, что этот прискорбный вопрос удастся решить, пока я еще нахожусь в городе.

Я вежливо, но твердо установил им временные рамки. И они это поняли.

– Будьте покойны, господин Тарановский! – заверил меня губернатор, провожая до дверей. – Виновные будут наказаны. В самые кратчайшие сроки!

Я покинул резиденцию губернатора с чувством холодного, мрачного удовлетворения. Маховик был запущен. Теперь оставалось лишь ждать, пока безжалостные шестерни имперской машины, смазанные страхом и подкрепленные авторитетом церкви, начнут перемалывать моих врагов.

– На окраину, к острогу, – бросил я ямщику.

Сани катились по заснеженным улицам, и я чувствовал, как спадает ледяная броня, которую носил на себе весь этот день. Я больше не был интриганом, стратегом, мстителем, а ехал к единственному человеку, ради которого все это и затевалось. Я ехал к сыну.

Маленький домик Прасковьи Ильиничны встретил меня теплом и тем же запахом свежеспеченного хлеба, что и вчера. Она молча пропустила меня в избу, понимающе кивнув, и оставила нас одних.

Ванечка сидел на полу, на пестром домотканом коврикe. Он больше не возился с ложкой – теперь у него была настоящая игрушка, деревянная лошадка на колесиках, которую я привез из Москвы. Он был так увлечен, что не сразу меня заметил.

Я тихо опустился на пол рядом с ним. Не на колени, как в первый раз, а просто сел рядом, скрестив ноги. Он поднял на меня свои серьезные глаза.

Я не говорил ни слова. Просто был рядом. Протянул руку и осторожно коснулся его мягких волос. Он не отстранился. Посмотрел на мою руку, потом снова на меня. Я взял с пола деревянный кубик и положил перед ним. Мальчик посмотрел на кубик, потом на меня, а затем своей маленькой, пухлой ручкой поставил его на спину лошадке.

И в этот момент вся моя ярость, жажда мести, все мои грандиозные планы по завоеванию мира показались чем-то мелким, суетным и бесконечно далеким. Было только это. Тепло натопленной избы, запах хлеба и маленький, сосредоточенно сопящий человек, который строил свой собственный, понятный лишь ему мир. И ради этого простого хрупкого мира я был готов на многое.

Я провел с ним так несколько часов, до самого вечера. Мы просто были вместе. А потом, когда Прасковья Ильинична унесла моего сына спать, я попрощался и вышел на мороз.

Вернулся на постоялый двор, когда над Тобольском уже сгущались сумерки. День был долгим и напряженным, но чувство теплоты после встречи с сыном еще не покинуло меня. У самого входа в трактир, словно из воздуха, возникла фигура Мышляева. Передо мной стоял собранный, подтянутый офицер, который коротким, по-военному четким поклоном приветствовал своего командира.

– Господин Тарановский, – доложил он ровным голосом. – Караван прибыл. Люди и грузы размещены на трех ближайших постоялых дворах. Все в порядке.

Новость была неожиданной и прекрасной. Я рассчитывал, что они доберутся не раньше чем завтра к вечеру.

– Отлично, – кивнул я, и холодный расчет мгновенно вытеснил все другие чувства. – Очень вовремя. Найдите Рекунова и господина Шнеерсона. Все ко мне в номер. Срочно.

Через десять минут мои «командиры» были в сборе. Изя, взволнованный и любопытный, Рекунов, спокойный и непроницаемый, и Мышляев, стоявший чуть поодаль с видом человека, четко знающего свое место. Я обвел их взглядом.

– Господа, – начал я без предисловий. – С этой минуты и до рассвета все наши люди должны быть в полной боевой готовности. Вы, Степан Митрофанович, и вы, господин Мышляев, объединяете своих людей. Вечером или ночью у нас могут быть гости!

Изя изумленно захлопал ресницами.

– Курила, я тебя умоляю, я таки ничего не понимаю, зачем? – вскинул он руки. – Ты же запустил официальный процесс! Губернатор, прокурор, епископ... Зачем нам эта ночная война?

– Именно, Изя. Я его запустил, – спокойно ответил я, подходя к окну и глядя в темноту. – И теперь главная заноза в заднице начальника тюрьмы Хвостова – это я. Он знает или узнает, что я здесь. И понимает, что завтра за ним придут. Такой человек, как он, загнанный в угол, вряд ли упустит возможность решить все кардинально. Не от смелости, а от страха. Он попытается убить меня сегодня ночью. Тогда у него будет возможность отбрехаться или откупиться и не понести полного наказания, а может, и избежать. А я? Да мало ли людей пропадет в Сибири.

– А почему ты думаешь, что его ещё не арестовали или они придут за тобой? – с какой-то навностью спросил Изя.

– Потому, что он человек не простой. И лучше провести пару бессонных ночей, чем стоять над вашими могилами, возможно даже над твоей! – произнёс я, посмотрев прямо ему в глаза.

В комнате повисла тишина. Изя побледнел. Рекунов и Мышляев, напротив, переглянулись с мрачным, профессиональным пониманием. Они знали этот язык – язык отчаяния и насилия.

– Он соберет своих самых верных псов, – продолжил я, – тюремных охранников, связанных с ним грязными делами. И отправит сюда, чтобы заткнуть мне рот навсегда. И мы должны быть к этому готовы. Мы встретим их.

Поздний вечер опустился на Тобольск. Хозяин постоялого двора уже давно разогнал последних гуляк, и в общей зале трактира царила полутьма и тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в остывающей печи. Заведение было почти пусто.

Почти.

Я сидел за столиком в самом центре зала, освещенный одинокой сальной свечой. Передо мной стояла недопитая кружка чая. Я лениво перелистывал страницы старой, зачитанной газеты, изображая скучающего постояльца, которому не спится. Я был приманкой. Театральщина, но хотелось именно так, душа требовала.

Бойцы были повсюду. Я не видел их, но чувствовал присутствие. В густых тенях затаился Мышляев. За стойкой, положив голову на скрещенные руки, один из людей Рекунова. А у самого входа, в темном углу, стоял сам Степан Митрофанович, слившись с темнотой, рядом были и остальные.

Я знал, что Хвостов, начальник тюрьмы, не сможет уснуть этой ночью. Страх – плохой советчик. Он заставит его действовать глупо, прямолинейно – и попытаться убрать меня.

Дверь трактира, которую сегодня не запирали, тихо скрипнула...

Глава 7

В проеме один за другим выросли семеро. Плотные, уверенные в себе мужики в полувоенной одежде, из тех, что служат тюремной охраной или ходят в подручных у мелкого начальства. Они не таились, напротив, их походка была наглой, хозяйской. Они привыкли иметь дело с арестантами, которые в большинстве своем и слова не могут против сказать.

Главный, коренастый унтер с бычьей шеей, зыркнул по сторонам, его взгляд скользнул по спящему за стойкой человеку Рекунова, задержался на пустых столах и, наконец, остановился на мне.

Я сидел в самом центре полутемной залы, освещенный одинокой сальной свечой. Демонстративно не обращая на них внимания. Идеальная приманка.

– Это он? – глухо спросил один из вошедших.

– Он, – подтвердил унтер и двинулся вперед, расстегивая на ходу тулуп, чтобы удобнее было достать оружие. – Эй, милсдарь, разговор есть.

Они расходились полукругом, собираясь взять меня в кольцо. Думали, что это будет легко.

И в этот момент полумрак трактира ожил.

Это не было похоже на драку. Это было похоже на работу хорошо отлаженного механизма. Тень, отделившаяся от стойки, метнулась в сторону. Раздался короткий, влажный удар, и один из нападавших без звука осел на пол. Из-за печи выскользнули еще двое, а потом и остальные.

Унтер, который шел ко мне, обернулся на шум, но было поздно. Степан Митрофанович Рекунов, до этого казавшийся частью дверного косяка, шагнул ему за спину. Короткое движение – и голова унтера дернулась. Он рухнул на пол мешком с костями.

Все закончилось за десять секунд. Ни одного выстрела. Только глухие удары, хрипы и тихое шарканье ног по затоптанному полу. И вот все семеро «гостей» лежали на полу, связанные и обезоруженные. Над ними, как волки над поверженной добычей, стояли мои люди.

Я аккуратно сложил газету и встал. Подошел к унтеру, которого уже привели в чувство и поставили на колени.

– Кто послал? – спросил я тихо.

Он сплюнул кровью и ухмыльнулся.

– Пошел ты...

Я не стал с ним спорить. Повернулся к Мышляеву.

– Сломай ему палец.

Мышляев молча кивнул, взял руку унтера и с хрустом вывернул мизинец. Тот завыл, его лицо исказилось от боли.

– Я повторяю вопрос, – произнес я все тем же спокойным голосом. – Кто послал?

– Хвостов... Начальник... – прохрипел он, корчась на полу. – Артемий Семеныч...

– Где он вас ждет?

– Дома... велел с докладом...

– Отлично. – Я кивнул своим людям. – Грузите их. Поедем с докладом все вместе.

Через полчаса мы были на другом конце города, перед особняком начальника Тобольского тюремного замка. Снаружи дом казался respectable: двухэтажный, с колоннами, подражающими столичному стилю. Но при свете луны было видно, что они покрыты дешевой штукатуркой, которая местами уже потрескалась, а парадный фасад давно не видел покраски.

Дверь нам открыла перепуганная до смерти молоденькая служанка. Увидев толпу вооруженных мужчин, она вскрикнула, однако Мышляев мягко, но настойчиво отстранил ее в сторону.

Внутри дом был точным отражением своего хозяина. Показная, кричащая роскошь соседствовала с убожеством. В гостиной стояла позолоченная мебель, обитая безвкусным ярко-красным бархатом, но на полу лежал потертый, грязный ковер. Стены украшали дешевые лубочные картины в массивных золоченых рамах. Воздух был спертым, пахло перегаром, кислыми щами и застарелым страхом.

Самого коллежского асессора Хвостова мы нашли в кабинете. Он сидел за столом перед графином с водкой, пытаясь унять нервную дрожь. Увидев меня в окружении своих же связанных людей, он замер. Его лицо, и без того одутловатое, стало пепельно-серым, а стакан выпал из ослабшей руки, разбившись о пол.

Он не пытался сопротивляться. Не кричал. Просто смотрел на меня взглядом затравленного зверя, понявшего, что капкан захлопнулся.

– Артемий Семенович? – язвительно-вежливо произнес я, подходя к его столу. – Доклад принимаете? Ваши люди не справились.

– Я... я... заплачу! – пролепетал он, вскакивая. – Сколько хочешь? Все отдам! Только не убивайте!

Он начал пятиться, пока не уперся спиной в стену, и медленно сполз по ней на пол. Толстый, важный чиновник, гроза сотен арестантов, превратился в жалкий, скулящий мешок с дерьмом.

– Мне не нужны твои деньги, Хвостов, – с омерзением сказал я. – Ты мне нужен живой. Я повернулся к Мышляеву.

– Присмотрите за ним до утра. И за его... гостями. Чтобы никто из них не наложил на себя руки. Утром у нас будет еще один визит.

На рассвете, когда морозный воздух еще колот щеки, по улицам Тобольска двигалась странная процессия. Впереди шагал я, за мной – Рекунов и Мышляев. Посредине, понуриив головы, брели семеро ночных нападавших, а замыкал шествие бледный, трясущийся Хвостов.

Мы подошли к серому казенному зданию околотка. Дежурный урядник, заспанный и недовольный, преградил нам путь.

– Эй, вы куда это всей гурьбой? Не положено!

– Мне нужно к вашему начальству, – холодно бросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.